

Евгений Горохов

*Хроника кровавого
века-4. Времена
смутные*

Евгений Горохов

**Хроника кровавого века
– 4. Времена смутные**

«Автор»

2023

Горохов Е. П.

Хроника кровавого века – 4. Времена смутные / Е. П. Горохов —
«Автор», 2023

Гражданская война в России поделила страну на "белых" и "красных": предал брат брата на смерть, и отец сына, восстали дети на родителей. На фоне этих трагических событий повествуется о семье уральских казаков Балакиревых. Уральское казачество, единственное из всех казачьих войск, в полном составе встало на сторону белого движения. Книга "Хроника кровавого века-4. Времена смутные" не только рассказывает, как воевали белые и красные. Она объясняет, почему они воевали.

© Горохов Е. П., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 4	28
В Рязани Перхурову надлежало встретиться с бывшим становым приставом	29
Глава 5	34
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгений Горохов

Хроника кровавого века

– 4. Времена смутные

Глава 1

С 1916 года в Германской империи было голодно. У немцев еда стала основной темой для разговоров. Бесконечные беседы о ней велись в окопах на фронте, в домах обывателей, и даже в Рейхстаге. Выступая в парламенте, депутат Филипп Шейдеман упал в голодный обморок.

Выдача продуктов в Германии осуществлялась по карточкам. Пайки постоянно сокращались. К январю 1918 года на человека в день приходилось: двести двадцать граммов муки, несколько граммов мяса и шестьсот граммов картофеля. Впрочем, картошку по карточкам получить было невозможно, вместо неё давали брюкву, зато много. Брюквы в стране было предостаточно. Её варили, парили, тушили, а из листьев делали салат, и заваривали вместо чая.

В то время в немецких городах, в какой подъезд ни зайди, всюду запах варёной брюквы. Её ели: врач с богатой частной практикой, скромный учитель и бедный разнорабочий. В книжных магазинах полно кулинарных книг, в которых утверждалось, что бульон из толчёных речных ракушек по питательности превосходит говяжью отбивную. Кулинарные книги учили, как разводить съедобные грибы в сточных канавах. На предприятиях рабочим выдавали в обед «айнтопф», (первое и второе блюда в одной тарелке). Состоял айнтопф из отходов со скотобоен и прессованных дрожжей. Из-за скудных пайков бастовали рабочие на военных заводах Кёльна, Берлина, Гамбурга, Мюнхена и Эссена. Эти стачки грозили перерасти в общегерманскую забастовку.

Несмотря на все эти трудности, генерал-квартирмейстер¹ Эрих Людендорф пребывал в приподнятом настроении. Он уверовал в победу Германской империи в мировой войне. Причиной его оптимизма послужила Октябрьская революция 1917 года в России. Людендорф предполагал, что вскоре последует выход этой державы из войны.

Первого февраля 1918 года Людендорф вызвал в Берлин начальников штабов армий Западного фронта. Приехал также принц Леопольд Баварский – командующий Восточным фронтом. В Брест-Литовске его начальник штаба вёл мирные переговоры с представителями большевиков.

– Господа, тринадцатого февраля нам с Гинденбургом надлежит ехать в Бад-Хомбург, докладывать кайзеру об операции «Михаэль», – Людендорф встал и прошёлся вдоль стола для совещаний. Он усмехнулся: – Гинденбург занят более неотложными делами, потому, совещание провожу я.

С парой Гинденбург – Людендорф в Германии были связаны все надежды на достойный выход страны из мировой войны. До 29 августа 1916 года Гинденбург командовал Восточным фронтом, а Людендорф был у него начальником штаба. Именно на Восточном фронте, немецкая армия провела все свои успешные операции. Западный фронт похвастаться победами не мог. Все лавры достались Гинденбургу, однако штабисты знали, что он не мог сотворить *идею*. Анализируя карту боевых действий, изучая данные разведки, он не чувствовал перспективы. Это дано Людендорфу – великому аналитику и стратегу. Но досконально просчитав всю войсковую операцию, он был не в состоянии воплотить её в жизнь – пасовал перед возникающими трудностями. Вот тут появлялся неукротимый Гинденбург, словно бешеный бык, ломающий все преграды.

¹ Генерал-квартирмейстер – заместитель начальника Генерального штаба армии Германской империи.

Гинденбург и Людендорф прекрасно дополняли один другого, и в тоже время презирали друг друга. Людендорф за глаза звал Гинденбурга «дубиной», а тот своего начальника штаба именовал «слюнтяем». Однако оба понимали: они как сиамские близнецы должны быть вместе. В августе 1916 года кайзер Вильгельм II предложил Паулю фон Гинденбургу возглавить Генеральный штаб, тот поставил условие: заместителем у него должен быть генерал-полковник Эрик Людендорф.

Обосновавшись возле моста Мольтке², Людендорф убедил Гинденбурга, что Генеральный штаб должен взять на себя функции правительства. Гинденбург вышел с этой идеей на Вильгельма II. Канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег был категорически против предложения военных, и кайзер его сместил. Людендорф предложил на должность канцлера никому не известного юриста Георга Михаэлиса.

Всеми делами в правительстве занимался Людендорф, а канцлер Михаэлис служил ширмой. Георг Михаэлис не был амбициозным человеком, такое положение дел его вполне устраивало. Но вот казус! Он оказался слишком чувствительным. Выступая в Рейхстаге, Михаэлис за пассивность, подвергался критике и насмешкам со стороны депутатов. Его нервы не выдержали, и он подал в отставку. Разозлённый Гинденбург хотел разогнать парламент, но этому воспротивился Людендорф.

«Эти болтуны иногда высказывают здравые мысли», – таков был его довод.

Новым канцлером был назначен граф Георг фон Гертлинг, медлительный словно черепаха. Насмешки парламентариев беспокоили его так же, как капли дождя падающие на панцирь черепахи. В Генеральном штабе промышленностью, сельским хозяйством и продовольствием занимался генерал-майор Вильгельм Грёнер. Железнодорожными перевозками ведал полковник Макс Бауэр, а за МИД отвечал капитан Курт фон Шлейхер. Практически в Германской империи была введена военная диктатура, и на какое-то время это дало эффект, ибо военные обеспечили порядок. Но решить проблемы с продовольствием офицеры Генерального штаба были не в силах. В сельском хозяйстве некому стало работать – все мужчины на фронте. Проблемы в тылу Германии не позволяли надеяться на успехи на фронтах. Но тут в России грянула Октябрьская революция. Вот тогда-то и появилась надежда на достойное завершение мировой войны.

Людендорф подсчитал: сняв с Восточного фронта около миллиона солдат, можно создать численное превосходство на Западном фронте. До того как войска США высадятся в Европе, необходимо пробить оборону союзников: британцев сбросить в море, а французов окружить под Парижем.

«Раньше сентября американцы все свои войска в Европу переправить не смогут, следовательно, наступление нужно начинать в марте, – вечерами размышлял Людендорф, разглядывая карту, висящую у него в кабинете. Он расхаживал по кабинету: – Разбить англичан и французов, потом усадить их за стол переговоров, выторговать почётный мир для Германии».

В конце января 1918 года Людендорф поручил оперативному отделу Генерального штаба начать разработку операции «Михаэль». Первого февраля он вызвал в Берлин начальников штабов армий Западного фронта.

– Господа! В марте мы начнём операцию «Михаэль», которая позволит склонить чашу весов на войне в нашу пользу, – Людендорф прошёл к письменному столу и посмотрел свои записи.

– Господин генерал-полковник, – дородный, с двойным подбородком, командующий Восточным фронтом Людвиг Баварский, поёрзал на стуле.

– Слушаю вас Ваше Высочество, – отвлёкся от своих бумаг Людендорф.

² В Берлине Генеральный штаб армии Германской империи располагался в правительственном квартале на набережной реки Шпрее, около моста Мольтке. Этот мост соединяет правительственный квартал с улицей Альт-Маобит.

– Вы хотите забрать у меня все боеспособные части, а со мной воюет русская армия!

– У вас принц есть ландвер.³ Для боёв на Западном фронте эти старички непригодны, а для охранной службы в самый раз. Также помощь вам окажет армия Австро-Венгрии. Хватит, чтобы отбиться от горстки солдат полностью разложившейся русской армии, – Людендорф сел за свой стол.

– Командующий седьмой армии Австро-Венгрии стоящей на Украине, больше озабочен захватом хлебных районов, нежели помощью нам, – вздохнул баварский принц, – да и сил у австрийцев явно недостаточно, так как они перебрасывают войска на Итальянский фронт.

– К чему вы клоните Ваше Величество? – Людендорф закрыл папку с бумагами.

– Я предлагаю смягчить наши условия на переговорах с большевиками, – Леопольд Баварский посмотрел на Людендорфа. Он откашлялся: – Украина нам нужна, так как это удовольствие и уголь. Но Финляндию и часть Прибалтики большевикам можно уступить.

– А так ли нам нужен мир с большевистской Россией?! – усмехнулся Людендорф. Он посмотрел на начальника отдела III В (разведка): – Полковник Николаи, что скажете?

– Предварительные переговоры с украинской Центральной Радой закончены, – с тонкими усиками, полковник Николаи больше походил на альфонса, нежели на прусского офицера. Движения его были плавны и элегантны, словно у метрдотеля: – Гетман Скоропадский согласен подписать с нами мир в Брест-Литовске.

– Вот видите принц, мир с большевиками нам не так уж и важен, – развёл руками Людендорф.

– Господин генерал, заключив мир с большевиками, мы могли бы демобилизовать часть солдат ландвера, – генерал Грёнер, сидевший рядом с начальником разведки, поморщился. Сладковатый запах одеколona, которым пользовался полковник Николаи, раздражал его: – Среди солдат ландвера много квалифицированных рабочих, необходимых нам в тылу.

– Так точно господин генерал-полковник! – кивнул огненно-рыжий полковник Бауэр, сидевший напротив Грёнера. Он слегка улыбнулся генералу и продолжил: – Из-за некачественного ремонта локомотивов, время доставки грузов увеличилось в несколько раз. Железная дорога нуждается в квалифицированных рабочих.

– Хорошо, я согласен с вашими доводами, – хлопнул ладонью по столу Людендорф. Он откинулся на спинку кресла: – Капитан фон Шлейхер останетесь после совещания. Обсудим, какие уступки мы можем сделать большевикам.

В Генеральном штабе Макс Бауэр считался протеже Людендорфа. До войны, будучи майором, он служил под началом генерал-полковника в мобилизационном управлении. Людендорф дал ему блестящую характеристику, и в марте 1914 года Бауэру присвоили чин подполковника, назначив начальником II отдела Генерального штаба. Отдел курировал производство снарядов и артиллерийских орудий.

В августе 1916 года став генералом – квартирмейстером Генерального штаба, Людендорф вызвал к себе полковника Грёнера, руководившего в то время IV отделом Генерального штаба. Этот отдел ведал железнодорожными перевозками.

– Сдайте дела полковнику Бауэру, – генерал-квартирмейстер подписывал бумаги. Он поставил последнюю подпись, и адъютант забрал папку со стола.

«Это лиса Бауэр подселел меня», – со злостью подумал Вильгельм Грёнер. Он недовольно взглянул на лейтенанта Рихтера, адъютанта Людендорфа. Длинный тощий Рихтер, был разносчиком сплетен в штабе. Лейтенант вышел из кабинета, а Людендорф продолжал:

³ Ландвер – войсковые формирования из военнообязанных 2-ой очереди, т.е. лиц ограниченно годных к строевой службе, а так же тех, кто старше 45 лет.

– Я решил реорганизовать работу некоторых подразделений штаба, соединить отделы ваш и Бауэра. В Генеральном штабе будет образовано Высшее армейское командование, а при нём управление промышленности, сельского хозяйства и продовольствия. Вы полковник Грёнер назначаетесь его руководителем. Батоцки-Фрибе⁴ лишь вопит о проблемах с продовольствием, но при этом палец о палец не ударил, чтобы преодолеть трудности. Теперь от вас полковник Грёнер станет зависеть, будет ли накормлен и вооружён германский солдат. Следовательно, ваша успешная работа, залог наших будущих побед. Советую вам почаще контактировать с полковником Бауэром. У него сложились хорошие отношения с промышленниками Фрицем Тиссенем, Фридрихом Круппом и Эрнстом Блюхнером. Эти господа не болтают, а делают дело.

Вильгельм Грёнер воспользовался советом генерал-квартирмейстера. Бауэр свёл его с промышленниками, а те подсказали несколько интересных идей. Работой Вильгельма Грёнера Людендорф был доволен, и выхлопотал для него чин генерал-майора. С той поры завязалась дружба между Бауэром и Грёнером.

После совещания у Людендорфа, они пошли в кабинет Вильгельма Грёнера.

– Что-то Людендорф быстро пошёл на уступки, – полковник Бауэр смотрел в окно на моросивший дождик.

– Нас оказалось слишком много на него одного, и у всех веские аргументы, – Грёнер достал серебряный портсигар, предложил сигарету другу.

Едва они закурили, в кабинет вошёл сутулый фельдфебель в круглых очках.

– Господин генерал, я закончил перепечатывать стенограмму совещания, – фельдфебель шагнул к столу Грёнера, и положил несколько листов бумаги.

– Лемке, может, и мне дадите один экземпляр? – полковник стряхнул пепел с сигареты в пепельницу. Он улыбнулся: – Я не привередлив, удовлетворюсь экземпляром, напечатанным через копирку.

– Господин полковник, к сожалению, чернила на копировальной бумаге отвратительные.⁵ Через два часа я принесу вам ваш экземпляр.

– Хорошо Лемке, вы свободны, – кивнул генерал.

– Слушаюсь, господин генерал-майор! – фельдфебель щёлкнул каблуками и неловко повернувшись, вышел из кабинета.

– Куда катится наша армия, если у штабного фельдфебеля нет выправки?! – услышал Лемке, стоя возле двери генеральского кабинета.

– Чего вы хотите от призыва второй категории?! Раньше такого даже в ландвер бы не взяли, а теперь служит в генеральном штабе. До войны Лемке по состоянию здоровья был освобождён от призыва, а теперь... – дальше фельдфебель не стал слушать, он пошёл по длинному коридору в канцелярию. На ходу Лемке вынул из своей папки несколько листов бумаги, и засунул их в карман брюк. Он отпросился у начальника канцелярии капитана Кнаппе проведать больную мать.

Перебравшись через мост Мольтке на Альт-Маобит, фельдфебель направился на Инвалиденштрассен. На этой улице находилось головное отделение банка «Макс Варбург и компания». До призыва в армию, Карл Лемке работал в этом банке клерком. Владелец банка Макс Варбург поспособствовал тому, чтобы Лемке остался служить в Берлине, а не гнил в окопах где-нибудь под Аррасом или на реке Соме. Пригодилось умение Лемке стенографировать и печатать на машинке. Однако даже этого было бы недостаточно, если бы не протекция Вар-

⁴ Адольф Торгилович фон Батоцки-Фрибе в 1916-1917 годах был президентом Управления продовольственной безопасности Германской империи.

⁵ Патент на копировальную бумагу в 1806 году получил британец Рольф Вуджвуд. Она представляла собой бумагу, с одной стороны покрытую слоем сухих чернил, скреплённых воском. Привычная для нас копировальная бумага появилась в 1954 году, когда восковую основу заменили полимерной.

бурга. В годы кровавой войны остаться служить в Берлине такая удача! Макс Варбург просил уведомлять его, о чём говорят на совещаниях в Генеральном штабе, и Лемке исправно выполнял просьбу своего благодетеля.

Машинописную копию стенографического отчёта с совещания у Людендорфа, Макс Варбург по бильдтелеграфу⁶ направил в Стокгольм, в «Новый банк». Перед войной этот банк Макс Варбург организовал, чтобы иметь возможность закупать в России стратегическое сырьё, которое понадобится промышленности Германии. Директором «Нового банка» стал швед Олаф Ашберг. В апреле 1917 года США объявили войну Германии, и через Ашберга Макс Варбург поддерживал связь со своим старшим братом Паулем, живущим в Нью-Йорке.

Пауль Варбург – один из основателей и акционеров Федеральной резервной системы США. Именно создание ФРС США в декабре 1913 года стала главной причиной разразившейся мировой войны. Американский доллар, напечатанный ФРС должен стать мировой валютой. Для того чтобы правительства Франции, Великобритании, Германии и России не могли препятствовать замыслам акционеров ФРС, эти страны необходимо вогнать в долги. Война как нельзя лучше подходит для этого, ибо весьма разорительное мероприятие.

Зимой 1917 года акционерам ФРС США стало ясно, что Германия войну проиграет и будет вынуждена платить огромные репарации странам победительницам. В России после свержения царя начнётся развал империи, и наиболее «сладкие» её куски должны прибрать к рукам США. Всё шло по планам акционеров ФРС, но задуманная Людендорфом операция могла помешать их исполнению.

Олаф Ашберг получив из Берлина фотокопию отчёта с совещания у Людендорфа, приказал секретарю перепечатать её. В 15.00 по бильдтелеграфу он отправил копию в Нью-Йорк Паулю Варбургу. Пять часов – разница во времени между Нью-Йорком и Стокгольмом. Пауль Варбург получил фотокопию в десять часов дня. Он отправился на Уолт-стрит в офис банка «Джи Пи Морган и компаньоны». Встретился с владельцем банка Джоном Пирпонт Морганом. Друзья и партнёры звали его Джипи.

– Германская армия, перебросив все силы с Восточного фронта, прорвёт оборону союзников, ещё до того, как экспедиционный корпус генерала Першинга высадится в Европе, – нахмурился Джипи, прочитав отчёт. Он положил его на стол: – Это поломает всю нашу комбинацию.

Разглядывая Джипи, Пауль Варбург усмехнулся:

«Сын не похож на отца».

Джон Пирпонт Морган-старший, или Джи Пи как звали его друзья и враги, со своей огромной фиолетовой бородавкой на щеке, вызывал ужас и отвращение. Обаятельный Джипи производил приятное впечатление. Хотя, также как и отец был умён, безжалостен и коварен.

– Что же делать? – отвлёкся от своих мыслей Пауль Варбург.

– В правительстве большевиков, у меня есть человек. Это Лев Троцкий, – Джипи встал и заходил по кабинету. Он открыл коробку с сигарами, предложил Варбургу, но тот отказался. Морган взял сигару: – Связь с ним поддерживает Ламонт, он сейчас в России. В последнем сообщении Ламонт пишет, что Троцкий выехал в Брест-Литовск, на сепаратные переговоры с немцами.

Томас Уильям Ламонт – младший партнёр в банке «Джи Пи Морган и компаньоны». В 1917 году, когда стало ясно, что дело идёт к распаду России, правительство США под эгидой «Красного креста» направила в Петроград миссию, состоящую из бизнесменов, военных и

⁶ Бильдтелеграф – в 1902 году американец Артур Корн изобрёл устройство передачи изображения на расстоянии. Оно было оснащено оптическим сканером, встроенным в телеграфный аппарат. Такие конструкции именовались «бильдтелеграф», и нашли большое применение в банковском деле, так же их использовали полицейские для передачи в разные страны фотографий разыскиваемых преступников.

разведчиков. Возглавлял её Уильям Байс Томпсон. Цель этой миссии: «застолбить» для США наиболее «жирные» куски Российской империи.

Лев Троцкий был завербован Морганом с помощью банкира Якоба Шифа в начале 1917 года. Джипи знал, что Троцкий второй человек в партии большевиков. Морган рассчитывал устранить Владимира Ленина, и тогда большевики станут работать на акционеров ФРС. Банкир Ламонт был связным между Троцким и Джипи.

– Вы намереваетесь послать Ламонта в Брест-Литовск?! – скрипучий голос Варбурга прервал ход мыслей Джипи.

– В России сейчас хаос, он туда из Петрограда не скоро доберётся, – Джипи затянулся сигарой. – С Троцким должен встретиться ваш брат. Давайте обсудим, какие инструкции он ему передаст.

Утром второго февраля Макс Варбург встретился с генерал-полковником Людендорфом. Варбург в Германской империи занимал пост начальника экономической разведки. Банкир заявил генералу, что в делегации большевиков в Брест-Литовске у него есть агент, с которым необходимо встретиться, чтобы обсудить поставки из России марганца, так необходимого заводам Крупна. Генерал – квартирмейстер германского Генерального штаба попросил Леопольда Баварского прихватить с собой Макса Варбурга.

В Брест-Литовске резиденцией Леопольда Баварского был дворец князей Немцевичей в деревушке Скоки. Туда принц баварский и Варбург добрались второго февраля в семь часов вечера. Леопольд Баварский выделил банкиру автомобиль и сопровождающего офицера. Варбург сразу поехал в Брестскую цитадель. В ней разместились делегация большевиков.

После Октябрьской революции Владимир Ленин настаивал на немедленном заключении сепаратного мира с Германией. Он убеждал членов ЦК РСДРП (б)⁷ и СНК⁸ что, «уставшая от войны русская крестьянская армия сметёт Советское правительство, промедли мы с заключением мира». Вроде всё логично!

Народ устал от войны, Русская армия развалилась, в ней практически не осталось боеспособных частей. Новая советская армия пока не создана, следовательно, нужен мир на любых условиях. Мир – как передышка, для создания советской армии. В противном случае можно потерять Россию. Однако разумные доводы Ленина большинство его соратников не восприняли. В ЦК РСДРП (б) его поддержали лишь Яков Свердлов, Иосиф Сталин и Фёдор Сергеев (товарищ Артём). Основным оппонентом Ленина стал редактор большевистской газеты «Правда» Николай Бухарин. Он заявил:

– Мира не заключать! Объявить Германии революционную войну, которая ускорит мировую революцию. Подписывая мир с Германией, мы срываем эту борьбу. Сохраняя социалистическую республику, мы проигрываем шансы международного движения.

Как вам такое?! В пожаре мировой революции, гори синем пламенем Россия! Во имя мировой гегемонии пролетариата, бросить в топку войны людей России! Позиция Николая Бухарина была, мягко говоря, странной, и мудрый змий Лев Троцкий тотчас же окрестил его «Коля Балаболкин».

При всей нелепости позиции Коли Балаболкина, его поддержали Урицкий, Дзержинский, Бубнов, Пятаков и Смирнов. Видя, что проигрывает. Ленин пошёл ва-банк, он заявил:

– Либо мы заключаем мир с Германией, либо я выхожу их состава ЦК. Ставлю вопрос на голосование!

Неизвестно, что было бы с Россией, дойди до голосования, но тут встрял лукавый Лев Давидович Троцкий:

⁷ ЦК РСДРП (б) – Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков).

⁸ СНК – Совет народных комиссаров, правительство Советской России.

– Предлагаю войну прекратить, мира не заключать. Армию демобилизовать. Я убеждён, силы Германии истощены, и она не в состоянии вести наступательные операции на русском фронте. А если всё же начнёт, то ускорит революцию в Германии, которая станет детонатором мировой революции.

За предложенную резолюцию Троцкого проголосовало большинство членов ЦК, и даже Ленин, неохотно согласился с ней. Троцкому и его хозяину Джипи была выгодна позиция Николая Бухарина на продолжение войны, но коварный Лев Давидович не стал открыто прикмыкать к Коле Балаболкину. Он видел, что у того и так большинство в ЦК. Сейчас Троцкий нарком иностранных дел, он может контролировать процесс переговоров с Германией, а прикмикнув Лев Давидович к Бухарину, Ленин обязательно добьётся его перевода из наркомата иностранных дел.

Пока Троцкий принимал дела от старых чиновников МИД России, на переговоры с германской делегацией он направил своего заместителя и друга Адольфа Иоффе. До войны в Вене, они вместе выпускали газету «Рабочая правда». В январе 1918 года Троцкий покончил с делами в комиссариате иностранных дел и собрался в Брест-Литовск. Перед поездкой Лев Давидович договорился с Лениным: он станет лавировать, а когда немцы его прижмут, примет все их условия.

Второго февраля, после разговора с Максом Варбургом, Троцкий пришёл в комнату Адольфа Иоффе.

– Я только что встретился со своим доверенным человеком из Берлина, – Троцкий словно коня, оседлал единственный стул в комнате Иоффе. Лев Давидович улыбнулся, блеснув стёклами пенсне: – Я был прав, в Германии начинается революция. Сейчас мы с тобой напишем воззвание правительства Советской России к германским солдатам и матросам. Ты отвезёшь его в Берлин Францу Мерингу.⁹

– Как я доберусь до Берлина?! – Иоффе не улыбалась перспектива быть задержанным в Германии по подозрению в шпионаже.

«По теперешним временам, попадись я в руки германской полиции, долго со мной разбираться не будут, тут же расстреляют», – он собрался отказаться от поездки, но Троцкий опередил его.

– Мой человек довезёт тебя до Берлина, и позаботится о твоей безопасности. Он же вернёт тебя в Брест-Литовск, – Троцкий сел за стол. Он взял лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу, принялся писать воззвание на немецком языке. Обернулся к Иоффе: – Иди, позови Николая.

Бывший унтер-офицер минного отряда Балтийского флота Николай Маркин занимал должность помощника Троцкого в наркомате иностранных дел. Молодой, не слишком грамотный, Маркин боготворил своего начальника. После Октябрьской революции чиновники МИД России отсиживались в своих квартирах, перестав выходить на службу. Маркин с матросами ездил по Петрограду, вытаскивал их из домов. Он привозил чиновников на Дворцовую площадь в здание МИД. Когда все были собраны, Троцкий потребовал у них ключи от кабинетов и архива. Чиновники ответили, что ключи утеряны. Тогда Маркин выхватил из толпы щупленького Фёдора Белова из Отдела печати, приставил к его голове револьвер, и сказал:

«Я буду расстреливать по одному человеку каждые полчаса, пока ключи не найдутся», – чиновники тут же предоставили все ключи.

Троцкий заканчивал писать воззвание, когда в комнату вошли Иоффе и Маркин.

⁹ Франц Меринг – немецкий историк, философ и политик. Один из основателей «Союза Спартака», который в октябре 1918 года будет преобразован в Коммунистическую партию Германии.

– Николай, товарищ Иоффе должен уехать с особо секретным заданием, – Троцкий свернул лист бумаги вчетверо и отдал своему заместителю. Посмотрел на Маркина: – Никто, кроме нас троих, не должен знать, что Адольфа Абрамовича нет в Брест-Литовске. Завтра, я всем объявлю, что товарищ Иоффе заболел, а ты никого не пускай к нему.

– Понял Лев Давидович, – кивнул Маркин.

Седьмого февраля дежурный офицер Генерального штаба на утреннем докладе сообщил Людендорфу, что в полках и флотских экипажах стали появляться листовки с обращением Советского правительства к немецким солдатам и матросам, о том, что «необходимо убить кайзера и генералов».

Вечером десятого февраля начальник штаба Восточного фронта генерал-майор Герман телеграфировал в Берлин:

«На переговорах Троцкий, как руководитель делегации большевиков, заявил, что война закончена, но условия выдвигаемое германо-австрийской стороной Советское правительство считает неприемлемыми. Мирный договор большевики подписывать отказываются».

Людендорф взбесился и дал телеграмму Леопольду Баварскому:

«Передислокацию корпусов и дивизий на Западный фронт немедленно прекратить. Приступить наступательной операции на Восточном фронте».

Восемнадцатого февраля германские и австро-венгерские войска начнут наступление по всему Восточному фронту. Займут города Луцк, Ровно, Минск, Новгород-Волынский и Житомир. 23 февраля германское командование по радио направит в Петроград более жёсткие условия, нежели были в Брест-Литовске. На раздумья Советскому правительству отводились одни сутки. Ночью двадцать третьего февраля на заседании ЦК РСДРП (б) Владимир Ленин потребовал согласиться на германские условия, или он выходит из состава ЦК и СНК. С трудом Ленин добился принятия нужной резолюции. Оскорблённый Николай Бухарин подал заявление о выходе из состава ЦК РСДРП (б) и увольнения с поста редактора газеты «Правды». На этом же заседании ЦК, Лев Давидович Троцкий был снят с поста комиссара иностранных дел. На его место назначен Георгий Чичерин, он поехал в Брест-Литовск, подписывать мирный договор.

Двадцать первого марта германские войска на Западном фронте начали операцию «Михаэль». Немцам удалось добиться численного превосходства на участке своего наступления, оборона союзников трещала, но держалась, чтобы проломить её, германскому командованию не хватило тех трёхсот тысяч солдат с Восточного фронта, которые Людендорф планировал использовать на первоначальном этапе операции. Он несколько раз менял направление удара, но оборона союзников выдержала. Союзники и немцы несли большие потери, однако в Европу прибывал американский экспедиционный корпус генерала Першинга, а в Германии резервов больше не было. С Восточного фронта теперь уже нельзя было снять ни одного полка, поскольку коммуникации в результате наступления так растянулись, что германское командование с трудом контролировала ситуацию.

Осознав всю безысходность сложившегося положения, Людендорф впал в прострацию. На него стали накатывать вспышки беспричинной ярости, он словно буйнопомешанный крушил мебель в своём кабинете. Офицерам Генерального штаба приходилось часами ждать, когда у него утихнет припадок ярости, и генерал сможет осмысленно говорить. Потом на Людендорфа накатывала апатия. Пока из его кабинета уносили поломанную мебель, он садился на диван, хватался за голову, и причитал:

– Глупец! Вместо того чтобы снять войска с Восточного фронта, я вознамерился взять Петербург. Для чего мне Петербург? Что там есть в этом Петербурге?

Глава 2

Февральская революция 1917 года, в результате которой русский император Николай II лишился престола, случилась из-за нехватки продуктов в Петрограде. Сменив царских министров, Временное правительство за полгода развалило армию, а заодно порушило веками отлаженное государственное управление, разогнав полицию и выпустив всех уголовников, которых стали именовать «Птенцами Керенского». К концу 1917 года Временное правительство, потеряв управление страной, рухнуло. В октябре случилась вторая за год революция. Пришедшим к власти большевикам, в наследство досталась мировая война, разложившаяся армия и разваливающаяся страна. Проблемы с продовольствием Временное правительство решить так и не смогло.

Большая война мероприятие для государств разорительное, и трудности с продовольствием возникли почти у всех воюющих стран. В России из-за обилия пахотных земель и большого количества населения, эта проблема стояла не так остро как в Германии. Но в Петрограде с продовольствием было тяжело.

Петроград – город северный, пахотной земли вокруг мало, а население большое. Во время войны в город хлынули беженцы с западных губерний. В мирное время Петроград снабжался продовольствием по морю и железной дороге. В войну германский флот перерезал транспортные коммуникации на Балтийском море, а железные дороги в первую очередь перевозили грузы для армии. Трудности с продовольствием в Петрограде, прежде всего, возникли из-за бестолковости царских чиновников, не предусмотревших такого развития событий. В составе Временного правительства министры постоянно менялись, и решать проблему голода в Петрограде, чиновники не успевали.

После Октябрьской революции головой Петроградской городской думы¹⁰ был назначен Михаил Калинин. Проблему голода в городе он принялся решать кардинально: реквизировал все запасы муки и продуктов на частных складах, но этого было недостаточно.

Непосредственно за продовольствие в Петроградской думе отвечал большевик Алексей Бадаев. Ему удалось направить с южного Урала несколько эшелонов с мукой, и до весны 1918 года большевикам удалось отодвинуть угрозу голода. Ввели строгий учёт при распределении продуктов, то, что не удалось сделать ни царским чиновникам, ни Временному правительству. Мука, хлеб, сахар и другие продукты стали выдаваться по карточкам. Продуктовый паёк был скудным, и кто имел возможность, шел на Сенной рынок. Там у мешочников¹¹ покупали молоко, сливочное масло и мясо. Правда крестьяне деньги Временного правительства («керенки») и царские рубли брали неохотно, а других не было. Потому петербуржцы несли на рынок вещи. За крепдешинтовую юбку или габардиновый пиджак давали пять фунтов¹² муки, а за книжку «Декамерон» Джованни Боккаччо с картинками, можно было получить фунт сливочного масла. Мир перевернулся, и ценности поменялись: за уникальную гравюру Алексея Зубова с видами Петербурга XVIII века мешочники давали всего три фунта муки, а дешёвый журнал с иллюстрациями эротических гравюр Франца фон Байерса обменивался на два фунта мяса и пять фунтов муки. Люди голодали и выкручивались, как могли, доставая продукты. Мало кого интересовало, что 3 февраля 1918 года народный комиссар иностранных дел Георгий Чичерин в Брест-Литовске подписал сепаратный мир с немцами. Хотя листовки, возмущавшие об этом, расклеили на каждой театральной тумбе Петрограда.

По договору с немцами, Советская Россия теряла четверть территории Российской империи, однако другого выхода не было. Теперь Ленину следовало доказать партии большевиков, всю необходимость заключения Брестского мира. Шестого марта 1918 года в Петрограде

¹⁰ Этот орган городского самоуправления в Петрограде просуществовал до августа 1918 года, потом был распущен. Вместо него организован Комиссариат городского хозяйства Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов.

¹¹ Мешочники – так в годы Гражданской войны звали крестьян, привозивших продукты в город.

¹² Фунт – мера веса, равная четыреста граммам.

собрался VII съезд РКП (б).¹³ Среди делегатов съезда стала популярна позиция Николая Бухарина, разгорелись ожесточённые споры по поводу Брестского мира. Владимир Ленин доказывая свою позицию, выступал шестнадцать раз. В конце концов, он добился своего, съезд принял его резолюцию, но споры не утихали. Большевикам приходилось свою правоту доказывать союзникам: левым эсерам и анархистам.

Съезд партии большевиков проходил в Таврическом дворце. В буфете вспыхнул ожесточённый спор по поводу Брестского мира. Схлестнулись большевик Эразм Кадомцев и анархист Александр Ге.¹⁴

Кадомцев был членом уфимского губернского революционного комитета, и ему следовало возвращаться в Уфу. Александр Ге предложил подвести его на автомобиле до вокзала. Он был членом ВЦИК¹⁵ и ему выделили персональный автомобиль. По дороге продолжали спорить о Брестском мире.

– Русскому солдату, прошедшему эту кровавую войну, не может понравиться мир, который сам же Ленин назвал «похабным»! – горячился Александр Ге.

– Война солдату тоже осточертела, – вяло парировал Кадомцев, этот спор надоел ему.

– Сейчас мы это проверим, – улыбнулся Александр Ге. С бритым черепом и крючковатым носом, он был похож на опереточного злодея. Александр Ге велел водителю остановиться. Вылезая из автомобиля, он потянул за руку Кадомцева: – Эразм Самуилович, пойдёмте.

– Куда ещё?! – тот вырвал руку.

– Недалеко, до театральной тумбы, – кивнул Александр Ге.

Кадомцев вздохнул, и вылез из автомобиля. Около театральной тумбы стоял солдат в грязной шинели без погон.

– Товарищ, можно вас на пару слов? – тронул его за рукав Александр Ге. Солдат повернулся.

«Казах что ли?» – глядя на его раскосые глаза, подумал Александр Ге, а вслух сказал:

– Мы поспорили, – он кивнул на Кадомцева, стоящего рядом, – следовало ли нам заключить такой позорный мир с германцем?

– Война рано или поздно должна закончиться, – махнул рукой солдат, и пошёл своей дорогой, оставив в недоумении анархиста.

– Пойдёмте в автомобиль Александр Юльевич, – улыбнулся Кадомцев.

Солдат шёл в том же направлении, в котором двигался автомобиль Александра Ге.

– Странный какой-то, – разглядывая солдата в окно автомобиля, произнёс он.

– Офицер это в солдатской шинели, – усмехнулся Эразм Кадомцев.

– С чего вы взяли?! – оторвался от созерцания улицы Александр Ге.

– Взгляните, как он идёт! – Кадомцев повернулся назад и постучал пальцем по заднему стеклу кабины. – Спина прямая, смотрит вперёд и ногу ставит на всю ступню, словно по плацу марширует.

– А может это унтер-офицер? – не сдавался анархист.

– Нет, это офицер, – покачал головой Кадомцев. Он улыбнулся: – С десятилетнего возраста, семь лет муштры в кадетском корпусе, потом два года юнкерского училища. Привычка маршировать становится второй натурой.

Эразм Кадомцев знал, о чём говорил. Он окончил Оренбургский кадетский корпус, потом Павловское пехотное училище. В 1901 году, будучи юнкером, вступил в партию социал-демократов. Во время японской войны дезертировал из армии, и в Уфе вместе с Яковом Сверд-

¹³ РКП (б) – Российская коммунистическая партия (большевиков), на VII съезде в марте 1918 года, РСДРП (б) была переименована в РКП (б).

¹⁴ Александр Ге – Александр Юльевич Голдберг, анархист-коммунист.

¹⁵ ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет, в то время высший законодательный орган Советской России.

ловым организовал боевую рабочую дружину. В 1905 году Кадомцев перебирается в Москву, там обучает рабочих тактике городских боёв. После первой русской революции 1905-1907 годов Эразм Кадомцев со своими братьями Иваном и Михаилом собрал боевую группу, занялся добычей денег для партии. Организовывал налёты на банки и почтовые вагоны. Революционеры такие мероприятия называли «эксы» (от слова «экспроприация»).

В 1908 году Эразм Кадомцев был арестован полицией, имея на руках подложный паспорт. Ему повезло, следователь, который вёл дело, быстро установил, что подследственный: Эразм Кадомцев, бывший подпоручик 6-го Восточносибирского полка дезертировавший со службы, и являющийся членом РСДРП. Дальше следователь копать не стал, а то наверняка установил бы, что его подследственный, опасный преступник, которого большевики звали: «товарищ Владимир». За дезертирство и принадлежность в РСДРП Эразм Кадомцев получил пять лет ссылки, откуда благополучно сбежал в 1909 году, и осел в Париже. В Россию Эразм Кадомцев вернулся после Февральской революции, и поехал в Уфу.

Наблюдательность не подвела Эразма Кадомцева, человек в солдатской шинели, действительно бывший офицер, штабс-капитан Николай Зуев. Во время мировой войны он служил в Отряде особой важности поручика Леонида Пунина. На Северном фронте об этом отряде и его атамане Пунине ходили легенды. Отряд совершал рейды по тылам германской армии, громя небольшие гарнизоны, взрывая мосты, и добывая для штаба Северного фронта важные сведения. Октябрьская революция поделила отряд: часть во главе со штаб-ротмистром Булак-Булаховичем¹⁶ примкнули к большевикам, другая часть отряда стала воевать против большевиков. Штабс-капитан Зуев тоже решил воевать с большевиками, но ему не нравилось, что Псковский добровольческий корпус формируется под контролем германского командования. Зуев решил пробираться на Дон, там генерал Корнилов собирал Добровольческий корпус, но при этом Лавр Георгиевич на сотрудничество с немцами не пошёл.

Прежде чем ехать в Новочеркасск, (там Корнилов формировал свой корпус), Николай Зуев решил повидаться в Петрограде со своей сестрой Зинаидой Васильевой.

Николай Зуев был круглой сиротой, его мать-казашка умерла, когда Коле исполнилось пять лет. Отец – урядник Оренбургского казачьего войска служил в Порт-Артуре, куда забрал маленького Колю. Когда началась русско-японская война, Николаю было одиннадцать лет. Его отец погиб в самом начале войны, и мальчика усыновил лейтенант Российского императорского военного флота Алексей Зуев – полный тёзка его отца. Лейтенант Зуев служил на броненосце «Петропавловск», который 31 марта 1904 года подорвался на японской mine. Алексей Зуев погиб, и Коля осиротел во второй раз. Его усыновил штабс-капитан Борис Васильев, служивший в штабе 4-й Восточносибирской артиллерийской бригады, дислоцировавшейся в Порт-Артуре.

Когда японцы окружили Порт-Артур, Коля с донесениями, через японские войска пробирается в штаб Маньчжурской армии генерала Куропаткина. От матери казашки Коле достались раскосые глаза, а играя с мальчишками в Порт-Артуре, он выучил китайский язык. Под видом китайчонка, он пробирался через японские позиции. После войны о Коле Зуеве писали все русские газеты, по распоряжению императора он за государственный счёт был принят в Оренбургский кадетский корпус, потом поступил в Михайловское артиллерийское училище. Каникулы Николай проводил в семье Бориса Петровича Васильева, и его дочку считал своей сестрой.

¹⁶ Станислав Булак-Булахович – в зарождавшейся Красной армии командовал 1-м Лужским конным полком. В ноябре 1918 года, Булак-Булахович сбежал из полка, приехал в Псков, надел погону штаб-ротмистра и вступил в Отдельный Псковский добровольческий корпус. Дальше в гражданской войне Булак-Булахович принимал участие на стороне белых.

В Пскове Николай Зуев раздобыл солдатскую шинель и гимнастёрку, спрятал подальше в вещь-мешок погоны штабс-капитана, и поехал в Петроград, повидаться с Зинаидой. Кто знает, доведётся ли ещё свидеться?!

Зинаида жила в бывшем доходном доме Лидваля на Кронверкском проспекте. В подъезде было сумрачно, открыв дверь, она не сразу узнала Зуева.

– Вам кого товарищ?

– Вас Зинаида Борисовна, – улыбнулся Николай.

– Коля! – бросилась ему на шею Зинаида. Поцеловав в щёку, потащила за руку в квартиру: – Пойдём чего мы в коридоре стоим?!

В прихожей Зуев вешал шинель, а из комнаты вышел высокий, тощий субъект лет тридцати, в тёмно-синем инженерском кителе.¹⁷

– Знакомься Коля, это мой муж, – подошла к нему Зинаида.

– Пётр Аркадьевич Таубе, – протянул субъект свою узкую ладонь. Он улыбнулся: – Много о вас слышан Николай Алексеевич.

Таубе указал рукой на дверь комнаты:

– Прошу в зал.

Правая нога у Таубе не сгибалась.

– Фронтной подарок? – кивнул Николай на ногу своего вновь приобретенного родственника.

– Да, – вздохнул тот, – презентовали при январском наступлении семнадцатого года под Митавой.

В зале на диване сидел господин лет пятидесяти, с пышными усами, в военном мундире без погон.

– Вы Николай Алексеевич вовремя подоспели, мы как раз собирались пить чай, – указал на стол Пётр Таубе. Он улыбнулся: – На нашем заводе за выполнение революционного заказа выдали премиальными по фунту сахару. Как раз к нам с Зиной родственники пожаловали, так что будем кутить.

Он спохватился, и указал на господина сидящего на диване:

– Знакомьтесь, это мой дядя, Александр Александрович Таубе.

Пожимая руку Николаю, Александр Таубе кивнул на своего племянника:

– Раньше фамилия нашего семейства писалась «фон Таубе», но революция отменила чины и сословия, теперь мы просто Таубе. Вы я вижу, Николай Алексеевич тоже в духе времени, солдатскую гимнастёрку надели.

– В офицерской форме, лучше не гулять. Солдатики могут в два счёта пристрелить, – улыбнулся Зуев.

– Да, *времена смутные*, – вздохнул Александр Александрович Таубе.

– Где вы трудитесь, Пётр Аркадьевич? – поинтересовался Зуев, когда пили чай.

– На заводе «Сименс и Шуккерт»,¹⁸ оттуда в шестнадцатом году был призван в армию, но воевал недолго.

– Это у нас с Петрушей семейное, – рассмеялся Александр Таубе. Он отхлебнул чаю: – Я тоже в четырнадцатом году убыл на фронт, недолго повоевал и угодил в госпиталь.

– Я да, – кивнул Пётр Таубе. Он улыбнулся: – А вы дядя, на себя наговариваете. Ваша 5-я Сибирская стрелковая дивизия неплохо показала себя у крепости Новогеоргиевская и под Жерардовом.

¹⁷ В Российской империи кроме военных, была своя форма у гимназистов, студентов, чиновников, железнодорожных служащих и инженеров.

¹⁸ Завод «Сименс и Шуккерт» – теперь в Санкт-Петербурге это завод «Электросила».

– Это так, – кивнул Александр Таубе. – Только дивизией я командовал всего полгода, а потом получил контузию. После чего весь четырнадцатый год пребывал при штабе армии на тыловых должностях.

– Простите Александр Александрович, раз вы командовали дивизией, следовательно, состоите в генеральском чине? – Зуев отпил чай.

– Революция освободила меня от чина генерал-лейтенанта, – развёл руками Александр Таубе. Он посмотрел на Зуева: – А вы Николай Алексеевич, чем намереваетесь заняться, оставшись без офицерских погон?

– Поеду на Дон, там собирается русское офицерство, – вздохнул Зуев. Он улыбнулся: – Александр Александрович, может, вместе поедем?

– Благодарю покорно, но я уже состою на службе в Красной армии, – усмехнулся бывший генерал Таубе.

От такого ответа Зуев поперхнулся чаем.

– Да не беспокоитесь, Николай Алексеевич, я ни в коей мере не собираюсь мешать вашим планам. Вы выбрали свою судьбу, я свою, – усмехнулся Александр Таубе.

– Позвольте полюбопытствовать гражданин бывший генерал-лейтенант, – Зуев поставил на стол чашку. Откинулся на спинку стула: – Вы перешли на службу к большевикам, немецким агентам, из-за своей фамилии?!

– Нет, союзничек американец мне глаза открыл, – Александр Таубе глотнул чаю. Он поставил чашку на стол: – После очередного ранения в шестнадцатом году, меня направили начальником штаба Омского военного округа. Через год грянула Февральская революция, и не стало российской монархии. В сентябре семнадцатого года пожаловал в Омск американский полковник Марроу, большой любитель водочки. Пьяным он мне и поведал, что собираются союзники раздрать Россию, как волки телушку. Большевики единственная сила, которая сможет сохранить Россию. Потому я и встал на их сторону. Так что Николай Алексеевич, несмотря на немецкую фамилию, я за Россию, а вы против своей державы.

– Ошибаетесь, сейчас каждый патриот своей страны должен биться против большевиков! – вскочил на ноги Зуев. Устыдившись своей горячности, сел на стул: – Время рассудит, кто из нас за Россию, а кто против неё.

Время рассудило!

В апреле 1918 года Александр Таубе вернётся в Омск, и займётся созданием отрядов Красной армии. Эти отряды под его руководством начнут борьбу с казаками атаманов Дутова и Семёнова. После восстания Чехословацкого корпуса и высадки во Владивостоке японцев, Таубе станет разрабатывать планы обороны Сибири от интервентов. Будет обучать командиров Красной армии. В августе 1918 года большевики направят его в Москву, для разработки совместных планов по борьбе с интервентами. К этому времени Советская власть в большинстве губерний падёт. Таубе придётся ехать по подложным документам. В Бодайбо¹⁹ его узнают и арестуют. Власти вновь образованного Временного Сибирского правительства предложат ему генеральскую должность, но Таубе ответит:

«Мои седины и контуженные ноги, не позволяют мне на склоне лет идти в лагерь интервентов и врагов России», – после чего его расстреляют.

Это сказал немец!

Русский Николай Зуев после эвакуации белогвардейских войск из Севастополя, осядет в Париже, и станет работать таксистом. В 1927 году вступит в РОВС.²⁰ Много раз будет переходить границу СССР, и совершать диверсии на территории Советского Союза. В 1936 году

¹⁹ Бодайбо – город в Иркутской области.

²⁰ РОВС – Русский общевоинский союз. Организация, созданная в эмиграции белогвардейскими офицерами для борьбы с Советской властью.

Зуева завербует немецкая военная разведка Абвер. С июля 1941 года обер-лейтенант Николай Зуев будет находиться в составе вермахта на Восточном фронте. В апреле 1942 года генерал-майор Рейнхард Гелен при Генеральном штабе вермахта создаст отдел 12 «Иностранные армии Востока», структура параллельная Абверу.

Абвер занимался разведкой по всему миру, а отдел «Иностранные армии Востока» специализировался на борьбе против СССР. Николая Зуева направят в этот отдел. После окончания Второй мировой войны, он вступит в Организацию Гелена,²¹ и проработает в ней до 1951 года. Потом переберётся в США, станет обучать сотрудников ЦРУ специфике агентурной работы в СССР. Умрёт Зуев в 1953 году, не дожив несколько месяцев до шестидесяти лет. Однако дорогой читатель мы забегаем далеко вперёд, вернёмся в Петроград 1918 года.

Переночевав в квартире Зинаиды, Зуев отправился на Николаевский вокзал.²² На Знаменской площади²³ сигналив клаксоном, мимо него проехал автомобиль Александра Ге.

«Возможно это и вправду офицер», – разглядывая шагающего по площади Зуева, думал сидящий на заднем сиденье «Русо-Балта» Александр Ге. Он откинулся на спинку сиденья: – Много их сейчас в солдатских шинелях пробираются на Дон к Корнилову».

В вестибюле Таврического дворца всегда оживлённо. До Октябрьской революции во дворце заседала Государственная дума. В январе 1918 года началось заседание Учредительного собрания, на котором депутаты собирались обсудить государственное устройство России. Большевикам обсуждать было нечего, им нужно было срочно формировать армию и флот для защиты России, потому матрос Железняк, чей отряд охранял Таврический дворец, заявил Учредительному собранию:

– Караул устал. Прошу покинуть помещение.

Депутаты Учредительного собрания ушли, а в Таврическом дворце обосновался ВЦИК Советской России. Теперь в вестибюлях дворца не встретишь господ в зимнем пальто с бобровым воротником, по коридорам сновала публика попроще. Одеты они были в матросские бушлаты, солдатские шинели и рабочие тужурки. Троцкий, спускавшийся по лестнице, в суконном пальто с меховым воротником и в зимней шапке «пирожок», выглядел среди прочей публики необычно.

– Лев Давидович, не успел вас поздравить с назначением на должность председателя Высшего военного совета,²⁴ – подскочил к нему Александр Ге. Он указал рукой на пальто Троцкого: – Вид для главы военного ведомства штатский.

– Да, нужно будет озаботиться сменой гардероба, – Троцкий застегнул пальто.

– А вы разве не будете на заседании? Сегодня мы обсуждаем вопрос о переезде СНК и ВЦИК в Москву.

– Обсудите без меня, мне необходимо повидаться с Крыленко.²⁵ Он заболел, а мне с ним нужно решать военные дела, – Троцкий вышел из Таврического дворца.

Прапорщик 13-го Финляндского стрелкового полка Николай Крыленко входил в Комитет по военным и морским делам при СНК Советской России. Когда в октябре 1917 года большевики захватили власть в Петрограде, Владимир Ленин дал телеграмму в Могилев, верхов-

²¹ Организация Гелена – разведывательная служба, созданная в 1947 году Рейнхардом Геленом под патронажем США на территории Западной Германии. До апреля 1956 года эта организация находилась под юрисдикцией США. Работала против СССР и её союзников по Варшавскому договору. Потом была передана в ведомство канцлера ФРГ. Получила наименование: «Федеральная разведывательная служба». На немецком языке: Bundesnachrichtendienst или сокращённо: BND.

²² Николаевский вокзал Петрограда в 1923 году будет переименован в Октябрьский, а в 1934 году, когда Петроград будет Ленинградом, его опять переименуют, и станет он Московским вокзалом.

²³ Знаменская площадь – в апреле 1918 года эту привокзальную площадь переименуют в площадь Восстания. Это название в Санкт-Петербурге сохранилось до наших дней.

²⁴ Высший военный совет – этот орган был учреждён в Советской России 4 марта 1918 года для создания вооружённых сил Советской России.

²⁵ Крыленко Николай Васильевич – член РСДРП с 1904 года, партийная кличка «Абрам».

ному главнокомандующему генералу Духонину, о том, что необходимо начинать переговоры о мире с германским командованием. Генерал ответил: «Подобные переговоры может начинать только правительство России».

Ответ вполне резонный, но телеграфисты разнесли сплетни по Могилеву: «Духонин против большевиков, которые за мир, и хочет воевать дальше». В этом городе было множество тыловых частей, и солдаты, услышав это, озверели.

Владимир Ленин направил в Могилев Крыленко, велел ему начинать с немцами переговоры о мире. Николай Крыленко объявил генералу Духонину, что большевистское правительство смещает его с поста верховного главнокомандующего. Но того ещё нужно было спасти от озверевших солдат, жаждавших его крови. Крыленко запер генерала в штабном вагоне, стал искать паровоз, чтобы вывести его из Могилева. Пока он бегал по железнодорожной станции в поисках локомотива, солдаты занимались своим любимым делом – митинговали. Кто-то крикнул:

«Братцы, айда резать гниду Духонина!»

Солдатская толпа ринулась к штабному вагону. Генерала вытащили из вагона, искололи штыками. Заодно расстреляли несколько попавших под руку офицеров. Обезумевшая страна начала пить кровь своих граждан. Сейчас принято в этом обвинять большевиков, но в беззаконии, которое началось в России в конце 1917 года, большевики не были повинны. Наоборот, они пытались навести порядок. Однако поначалу сил у них было маловато. Прапорщику Крыленко удалось установить порядок в Могилеве, и он начал переговоры о мире с германским командованием.

После подписания Брестского мира, Крыленко вернулся в Петроград, написал рапорт в СНК. В нём он просил освободить его от должности верховного главнокомандующего, так как по условиям мирного договора старая русская армия была распущена. Крыленко назначили в Совет по обороне Петрограда. В феврале возле форта «Красная горка» его изрядно продуло, и он слёг с простудой.

Посещение больного Крыленко для Льва Троцкого было лишь предлогом. Николай Крыленко жил в гостинице «Астория» на Большой морской улице. Во время войны в ней останавливались командированные с фронта офицеры. С приходом к власти большевиков, гостиницу национализировали. Офицеры разъехались: кто на Дон к Корнилову, а кто в Киев к гетману Скоропадскому. В номера «Астории» стали заселяться большевики. Здесь останавливались делегаты VII съезда РКП (б), в этой гостинице жили члены американской миссии Красного креста, проживал тут и Николай Крыленко.

Льву Давидовичу нужно было поговорить с американским банкиром Томасом Ламонтом, но встречу эту он не хотел афишировать, вот и прикрылся необходимостью посещения больного Крыленко. Троцкий в номер банкира проскочил никем незамеченный.

– Попробуйте коньяк «Курвуазье» мистер Троцкий. Его обожал Наполеон Бонапарт, – Ламонт разлил коньяк в фужеры. Подав один Троцкому, с другим он уселся в кресло: – Мне кажется у вас с Бонапартом много общего. Следовательно, стоит ожидать вашего прихода к власти в России.

– Первый шаг к этому я сделал, уговорил Ленина назначить меня руководителем Высшего военного совета. Так у нас называется военное ведомство, – Троцкий пригубил коньяк. Он улыбнулся: – Вновь сформированная Красная армия будет в моих руках. Как известно, у кого армия, у того и сила. Со временем, я смогу отодвинуть Ленина от управления страной.

– Да мистер Троцкий, ваша жизнь всё больше напоминает путь Наполеона Бонапарта, – кивнул банкир. Он улыбнулся: – Только не рекомендую вам ссориться с финансистами, чтобы не оказаться на острове Святой Елены.

– Мой дядя банкир, внушил мне мысль, что финансы кровеносная система экономики, – Троцкий допил коньяк. Он развёл руками: – Я диалектик, а она не любит тех, кто пренебрегает её законами. Труд и капитал есть две противоположности. Закон диалектики утверждает: единство и борьба противоположностей. Из этого вытекает вывод: воюя против финансов, то есть капитала, выступаешь против труда, то есть против пролетариата.

«Во как вывернул диалектику!» – развеселился Лев Давидович.

Ламонт с философией Гегеля не был знаком, потому лукавства в речах Льва Давидовича не заметил. Да и не до философии ему было, другим голова забита.

– Мистер Троцкий, раз вы стали руководителем военного ведомства, сможете ли вы отдать приказ о разоружении Чехословацкого корпуса?

– Да.

– Отлично! – обрадовался банкир. Он встал с кресла, разлил коньяк по фужерам: – В своё время, вы получите указание, когда следует отдать такой приказ.

Армия Австро-Венгерской империи формировалась по национально-территориальному принципу. В лоскутной Австро-Венгрии проживало множество национальностей, но преобладали три: немцы, венгры и чехи. В армии Австро-Венгрии были венгерские, немецкие и чешские полки. Чешские части считались ненадёжными, ибо при первой же возможности чешские солдаты сдавались в плен. Постепенно в русском плену их оказалось несколько десятков тысяч.

В начале 1917 года кому-то в русском Генеральном штабе пришла «мудрая» мысль, сформировать из пленных чехов и словаков корпус для войны с Австро-Венгрией. Жизнь в лагере для военнопленных скучная, паёк бедный, а на воинской службе кормят хорошо. Многие чешские военнопленные стали записываться в Чехословацкий корпус. Тут случилась Октябрьская революция.

В декабре 1917 года французское правительство Анри Пуанкаре признало Чехословацкий корпус «иностранным союзническим войском, находящимся на территории России». К началу 1918 года части Чехословацкого корпуса находились на Украине. В феврале германские и австро-венгерские войска начали наступление на Восточном фронте, они продвигались по территории Украины. Чехословацкий корпус спешно отводился вглубь России. Правительства Советской России и Франции договорились, что Чехословацкий корпус через Архангельск и Мурманск переправят во Францию. Но чехи записывались в корпус для того, чтобы сытно жрать, а не воевать. Они заявили, что плыть во Францию из Мурманска и Архангельска опасно, транспортные суда могут быть потоплены германским флотом. Чехи потребовали, чтобы их отправили через Владивосток. Расчёт был прост: пока они едут по железной дороге через всю Россию, а потом пересекут три океана, война закончится.

Шестого марта 1918 года СНК принял постановление о перевозке частей Чехословацкого корпуса во Владивосток, и в этот же день, Лев Троцкий уведомил Ламонта об этом решении. Американцы планировали забрать под свой протекторат Сибирь и Дальний Восток. Эдуард Хауз²⁶ решил с помощью Чехословацкого корпуса поднять в Сибири и на Дальнем Востоке антибольшевистский мятеж.

После разговора с Троцким, банкир Ламонт отправился на Французскую набережную.²⁷ Посол Франции Жозеф Нуланс принял американского банкира в своём кабинете.

– Мой человек в правительстве Ленина готов спровоцировать восстание Чехословацкого корпуса, – Ламонт закурил сигару «Партагас» предложенную послом. Он откинулся в кресле: –

²⁶ Полковник Хауз – Эдуард Хауз советник президента США Вудро Вильсона.

²⁷ Французская набережная – это название в Петербурге набережная получила в 1902 году, потому что сюда, в бывший особняк Пашкова, переехало посольство Франции. Весной 1918 года улица переименована в «Набережную Жореса». В сентябре 1945 года, уже в Ленинграде, её переименовали ещё раз, назвав: «Набережная Кутузова». Такое название в Санкт-Петербурге эта улица носит до сих пор.

Советское правительство согласно пропустить Чехословацкий корпус во Владивосток. Месяца через два, чехословацкие полки будут в Сибири, вот тогда и начнём.

– Два месяца! – поморщился посол. Он вытащил сигару изо рта: – Я не могу загадывать на столь длительный срок. Советское правительство отказывается признавать меня послом Франции.

Жозеф Нуланс развёл руками:

– Фактически я нахожусь здесь как частное лицо, а немцы неподалёку от Петрограда. Я слышал, что Ленин со своим правительством эвакуируется в Москву. Мы не можем оставаться здесь! Если немцы нарушат мир и войдут в Петроград, они сошлются на решение Советского правительства о непризнании меня послом Франции. Тогда участь всего французского посольства будет печальной.

– Что вы решили? – банкир затянулся сигарой.

– Мы переезжаем в Вологду.

– Переезд дело хлопотное, – покачал головой Ламонт. – Вы на несколько недель выйдете из игры, а мне нужна прямая связь с Чехословацким корпусом.

Посол нажал кнопку звонка на столе, вошёл секретарь.

– Пригласите, пожалуйста, капитана Гине, сейчас он в кабинете месьё Дульсе.

Спустя пять минут в кабинет посла вошёл смуглый, невысокий офицер.

– Капитан Гине, это мистер Ламонт из американской миссии Красного креста. С сегодняшнего дня вы будете поддерживать связь между мистером Ламонтом и Сыровым.

– Слушаюсь, господин посол! – щёлкнул каблуками капитан Гине.

– Ян Сыровой сейчас находится в Москве, следовательно, вам мистер Ламонт тоже нужно ехать туда, – улыбнулся посол.

Ян Сыровой был поручиком императорской армии Австро-Венгрии. Впервые дни мировой войны, был ранен в голову, лишился глаза. После того как его комиссовали из армии Австро-Венгрии, он каким-то образом добрался до Варшавы, и вступил в русскую армию. Как раз в это время русское командование формировало чешскую дружину. Получив чин поручика, Сыровой стал командиром второго батальона 1-го стрелкового полка Чешской бригады. Когда формировался Чехословацкий корпус, поручик Сыровой сразу прыгнул в чин генерал-майора, став командиром корпуса.

Восьмого марта Томас Ламонт и капитан Гине выехали в Москву, а на следующий день с Николаевского вокзала в Петрограде отошёл железнодорожный состав под охраной латышских стрелков. На нём в Москву ехали члены Советского правительства. На железнодорожной станции «Цветочная», которая находилась на самой окраине Петрограда, состав остановился, к нему подъехал автомобиль. Из него вышел Владимир Ленин, работающий до последнего момента в Смольном. Он сел в поезд, и железнодорожный состав отправился в Москву.

Глава 3

Первого апреля 1918 года в Москве весь день шёл дождь. С улиц смыло остатки снега, и распухла Москва-река. Между Крымским и Большим Каменным мостами река делилась на два рукава. Одно русло перегорожено плотиной, а другое, протекавшее возле Кремля, всегда мелководно. Но в половодье грязные воды выходили из берегов, подтапливая местность возле Болотного рынка.²⁸ Недели через две, весеннее солнце высушит затопленные места, и москвичи забудут про все передряги до следующего половодья.

²⁸ После большого наводнения 1926 года, СНК принял решение прочистить и углубить русло Москвы-реки. Построили очистные сооружения на шпульно-катушечной фабрике имени Дзержинского в Дорогомилово. Именно эта фабрика своими красителями загрязняла русло Москвы-реки. Вода стала чище. В 1932 году берега Москвы-реки закатали в бетон, и она приобрела привычный для нас вид.

Первые революционные месяцы отрицательно сказались на Москве. Дворники перестали убирать улицы. Автомобилей в городе было мало, пассажиров и грузы возили на лошадях, а они безбожно гадили мостовые, но убирать проезжую часть было некому. Тротуары немногим лучше: всюду валяются сорванные с театральных тумб афиши и старые газеты. Во дворах огромные кучи мусора. Руки у новой власти до коммунального хозяйства не доходили, зато принялись бороться с наследием старого режима: сносили памятники царским особам, а на их место ставили бюсты Энгельса и Маркса. На Пречистенке досками закрыли памятник Александру III, поговаривали: скоро его снесут.

Около Кутафьей башни²⁹ сколотили будку из фанеры, и выкрасили её в серый цвет – это бюро пропусков в Кремль. Двенадцатого марта в Москву из Петрограда перебралось Советское правительство, оно обосновалось в Кремле. Там же жили семьи членов правительства. Охраняла Кремль рота латышских стрелков. До переезда СНК в Москву, проход в Кремль был свободный. Теперь все ворота закрыли, а для надёжности, завалили брёвнами. Проход на территорию Кремля только через Троицкие ворота, и строго по пропускам.

Томас Ламонт в последний раз в Москве был летом 1917 года, изменения, произошедшие в городе, поразили его.

«В отличие от Петрограда, революция Москву не пощадила», – думал банкир, разглядывая оспины от пуль и осколков на стене доходного дома князя Гагарина возле Кузнецкого моста.

Ламонт остановился в гостинице «Националь». Ему удалось вселиться туда за день до того, как все номера гостиницы заняли сотрудники СНК, приехавшие из Петрограда. Банкир специально вышел пораньше, чтобы побродить по московским улицам. Ему нужно было в Денежный переулок, там, в особняке Боля-Гутхойля³⁰ располагалась французская военная миссия. Его ждали французский военный атташе Жан Лавернь, капитан Гине и посол Великобритании Брюс Локкарт.

Они поговорили около часа, потом Гине сообщил:

– Я сегодня должен уехать в Пензу, там находится штаб Чехословацкого корпуса, – французский капитан потёр висок. – Мы находимся в стране, где ситуация меняется слишком быстро.

– Ситуация в России меняется стремительно, но планы у нас, остаются неизменными, – усмехнулся банкир.

Жан Лавернь сидящий напротив него, вдруг вскочил и метнулся к окну.

– Что вы такой взвинченный?! – вскинул брови Ламонт.

– Не могу привыкнуть к виду врага, находящегося так близко, – атташе указал рукой на окно.

На тротуаре стояли трое немецких солдат и разглядывали окна особняка французской военной миссии.

– Немецкая военная миссия расположилась неподалёку от нас, в особняке Берга,³¹ – Жан Лавернь задёрнул шторы.

– Я, пожалуй, пойду, – встал британский посол. Локкарт посмотрел на французского атташе: – Генерал Лавернь, вы разрешите воспользоваться вашим автомобилем? Мне предстоит важная встреча, а ЧК установило за мной слежку.

– Хорошо месё посол, – кивнул Лавернь.

²⁹ Кутафья башня – одна из башен Московского Кремля.

³⁰ Современный адрес: Москва, Денежный переулок дом 13. В настоящее время особняк принадлежит МИД РФ.

³¹ Современный адрес: Москва, Денежный переулок дом 7. Сейчас там находится посольство Италии.

Брюс Локкарт, до того как его назначили послом, пять лет прослужил вице-консулом Великобритании в Москве. Город он знал отлично, и попросил водителя французской военной миссии заехать во двор здания служащих Московского Госбанка на Никитском бульваре. Здесь целый ряд проходных дворов, легко уйти от слежки.

Локкарту нужно было на Поварскую улицу. Там бывший особняк купца Цетлина заняли анархисты. У входа в особняк баррикада из мешков с песком, и пулемёт «максим». Сновали туда-сюда матросы, солдаты, много молодёжи в студенческих тужурках и гимназических шинелях, все пьяные. Пулемёт на баррикаде заботливо протирал тряпкой паренёк лет семнадцати в фуражке железнодорожного служащего. Рядом курил высокий, длинноволосый шатен в кожаной куртке.

– Товарищ Бирзе, мне к Артемию Павловичу, – окликнул его Локкарт, на ломанном русском языке

– Благополучно добрались? – выкинул окурок Бирзе. Он улыбнулся и указал на матросов стоящих в стороне: – Улицы революционной Москвы неспокойны, а у вас слишком презентабельный вид. Так и тянет отобрать пальто и кошелёк.

Сын латыша-хуторянина Ян Бирзе ещё до войны, в Риге вступил в кружок анархистов-коммунистов. Они собирали бомбу, чтобы подорвать рижского полицмейстера. До смертоубийства начальника рижской полиции дело не дошло, их арестовали раньше. Бирзе получил шесть лет ссылки и отправился в Енисейскую губернию. Февральская революция дала ему свободу, и он приехал в Москву. Полугодная революционная жизнь быстро наскучила ему. Ян подумывал о том, чтобы вернуться к отцу на хутор. Но судьба свела его с вице-консулом Великобритании Брюсом Локкартом, который вербовал себе агентуру среди анархистов.

– Арсений Павлович ждёт вас, – Бирзе кивнул на особняк.

Некогда богатый купеческий особняк, анархисты превратили в грязную ночлежку: на полу осколки от битых бутылок, засохшая рвота, попахивало мочой. Лепнина иссечена пулями.

В зале сидела развесёлая компания: молодёжь в гимнастёрках гимназистов, несколько человек в офицерских кителях без погон. У некоторых физиономии закоренелых уголовников. Стол, за которым некогда обедало семейство почтенного купца, завален бутылками, а возле дивана лежала молодая женщина с простреленной головой.

Длинный, прыщавый гимназист, держась рукой за фортепиано, на распев декламировал:

– У двух проституток сидят гимназисты: Дудиленко, Барсов и Блок,

На Маше – персидская шаль и монисто.

На Даше боа и платок.³²

Закончив читать, гимназист нетвёрдой походкой направился к столу. Взял открытую бутылку шампанского, стал пить прямо из горлышка. Всю бутылку юнец осилить не смог, остатки вылил на лицо убитой женщины.

– Кто эта несчастная?! – ошарашено спросил Локкарт.

– Проститутка, не желавшая отказаться от старорежимных привычек, – услышал британский посол голос за спиной. Он оглянулся и увидел Александра Ге. Тот, улыбаясь, продолжал: – Мы анархисты выступаем за слом всякого государства. Оно порабощает человека, а деньги, есть элемент закабаления свободной личности. Девка этого уразуметь не хотела и требовала оплату за свои услуги.

– Но так принято, платить за выполненную работу! – Локкарт достал платок из кармана пальто и вытер лоб.

– Труд должен быть безвозмездным, только тогда он становится свободным. Эта девка не хотела отказаться от своих старорежимных привычек, за то и получила пулю.

³² Стихотворение поэта Саши Чёрного: «Проститутки».

– Я знаю, вы состоите в правительстве большевиков, – Локкарт убрал платок в карман пальто. Он кивнул на мёртвую проститутку: – Они тоже исповедуют такие взгляды?

– Нет, большевики хотят установить жёсткий порядок. Получается, что они заменяют царскую тиранию, коммунистической, – Александр Ге подошёл к столу, налил себе водки. Выпил, закусив жареной курицей, куски которой вперемешку с костями, валялись на подносе: – Мы не позволим им это сделать. Анархисты сметут большевиков, так же как до этого смели Временное правительство. России необходимо сделать кровопускание. Кровь очистит нашу страну, а те, кто переживёт это переломное время, станет человеком будущего.

– А если в это смутное время погибните вы? – улыбнулся Локкарт.

– Я буду счастлив, отдать жизнь за свои идеи! – Александр Ге швырнул куриные кости на поднос.

Он напророчил себе судьбу! Спустя две недели большевики станут наводить порядок в Москве, и арестуют всех анархистов. Александр Ге в качестве протеста против произвола большевиков, выйдет из состава ВЦИК. Однако сотрудничество с большевиками он не прекратит, и Дзержинский возьмёт его в ВЧК. Александра Ге направят в Кисловодск руководить ЧК. В конце 1918 года к Кисловодску подойдёт корпус генерала Шкуро,³³ большевики отойдут к Пятигорску. Александр Ге возглавит оборону города. В январе 1919 года он будет ранен, корпус генерала Шкуро войдёт в Пятигорск. В суматохе отступления большевики оставят Александра Ге в городе. Казаки генерала Шкуро зарубят его шашками.

Человеку неведомо его будущее, и Александр Ге собрался произнести вдохновлённую речь перед иностранцем.

– Простите Александр Юльевич, нам нужно с товарищем кое-что обсудить, – латыш взял Брюса Локкарта под локоть и вывел в коридор. Они пошли к самой дальней комнате, Бирзе постучал в дверь.

– Борис Викторович, к вам пришли, – он заглянул в комнату. Посторонился и кивнул Брюсу Локкарту: – Проходите.

Вероятно, раньше это было помещение прислуги. Комната узкая как пенал. В ней железная кровать, шкаф и стол. Возле окна стоял невысокий человек в солдатской гимнастёрке. Звали его Борис Савинков, бывший эсер-бомбист и член Временного правительства. В октябре 1917 года Савинков из Петрограда сбежал в Гатчину. Он находился в казачьем корпусе генерала Краснова, а когда казаки договорились с большевиками, и отказались наступать на Петроград, Савинков вместе с генералом Красновым уехал на Дон. В Новочеркасске Борис Савинков помогал генералу Алексееву формировать Добровольческий корпус для борьбы с большевиками. В декабре приехал генерал Корнилов, и Алексеев передал ему командование Добровольческим корпусом. В январе 1918 года Корнилов предложил Савинкову ехать в Москву, создавать там подпольную организацию для борьбы с большевиками. Савинков добрался до Москвы в начале марта. Он встретился с Брюсом Локкартом, который передал ему миллион рублей золотом. Савинков стал создавать подпольную организацию, которую назвал «Союз защиты Родины и Свободы».

– Мистер Локкарт вас не шокирует место, где я вам назначил встречу? – улыбнулся Савинков, здороваясь с британским послом.

– Слегка, если признаться честно, – кивнул тот. Англичанин кивнул широкоплечему брюнету, тоже находящемуся в комнате: – Добрый день господин Знаменский. Мне хотелось бы побеседовать с вами.

³³ Андрей Григорьевич Шкуро (1887 – 1947) – генерал-лейтенант Русской императорской армии. Участник Белого движения. В эмиграции жил в Германии, работал наездником в цирке. С приходом к власти нацистов стал служить им. В 1944 году рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер назначил его начальником Резерва казачьих войск при Главном штабе войск СС. В 1945 году согласно решению Ялтинской конференции, англичане интернировали Шкуро в Австрию, где передали представителям СССР. Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР Шкуро был приговорён к смертной казни.

– К сожалению, не сегодня, – вздохнул Савинков. Он развёл руками: – У Дмитрия Ивановича дела, и он должен нас покинуть.

– Господин Савинков, я вложил в ваше предприятие большую сумму, и мне хотелось бы знать, как идут дела, – нахмурился Локкарт, – в частности, о результатах поездки господина Знаменского в Рыбинск.

– Вы получите подробный отчёт от меня, – улыбнулся Савинков. Он вздохнул: – Но господин Знаменский должен идти.

Знаменский взял с кровати свою солдатскую шинель, попрощавшись, вышел. Он был взбешён хозяйским тоном Локкарта, подобострастной улыбкой Савинкова, а главное всей мерзостью своего положения. Дойдя до Большой Никитской улицы, Знаменский услышал голос за спиной:

– Дмитрий Иванович, – он оглянулся.

Улыбаясь к нему, подходил высокий блондин в тёмном полупальто. Профессиональная память жандарма не подвела Знаменского, он узнал этого человека.

– Владимир Холмогоров?

– Точно! – улыбнулся тот. Кивнул на солдатскую шинель: – Привыкаете к новой жизни?

– Да, по теперешним временам так безопаснее, – вздохнул бывший жандарм.

– Дмитрий Иванович вы, в каком чине Февральскую революцию встретили?

– Ротмистром, – Знаменский посмотрел по сторонам, – теперь на улице о таких вещах лучше не говорить.

– А чего таиться?! – по-прежнему улыбался Холмогоров. – Помнитесь в последнюю нашу встречу, вы четыре звезды на погоне имели, следовательно, штаб-ротмистром были.

– Вырос в чинах, – нахмурился Знаменский. Разговор о его старой службе, да ещё с бывшим подследственным, ему удовольствия не доставлял. Он спросил: – Ну а вы чем занимаетесь?

– Работаю в ЧК. Я ведь после наших интересных бесед в Орловский централ угодил.

Знаменскому стало совсем скверно: повстречать чекиста, который по его милости сидел в Орловском централе! Это была самая страшная тюрьма в Российской империи. Тюремным надзирателям за жестокость по отношению к заключённым, платили полтора оклада. Заключённые в Орловском централе умирали от побоев, непосильного труда и отвратительного питания. Каждые полгода там вспыхивали бунты, которые охрана безжалостно подавляла, расстреливая заключённых с вышек. Только с началом войны, режим в Орловском централе смягчили, прекратив избиения и улучшив питание. А попал-то Холмогоров в Орловский централ по милости Знаменского, хотя тот и не желал ему такой судьбы. Однако как добросовестный служака в деле Холмогорова, он сделал отметку: «Склонен к бунту и сопротивлению властям».

– Вы меня арестуете? – поник Знаменский.

– За что же Дмитрий Иванович?! – развёл руками Холмогоров.

– За прошлое.

– Так вы же свою работу выполняли! – улыбнулся Холмогоров. Возможно, увидев, откуда вышел Знаменский, он не был бы таким благодушным.

Утром Феликс Дзержинский вызвал в свой кабинет несколько сотрудников. В том числе и Владимира Холмогорова.

«Анархисты творят безобразия в Москве, и мы с этим больше мириться не будем. Принято решение разоружить все анархистские отряды», – Дзержинский закурил папиросу.

В Москве вооружённые отряды анархистов насчитывали свыше двух тысяч человек при двух артиллерийских орудиях, и несколько десятков пулемётов. Внушительная сила! Разоружать анархистов должен полк латышских стрелков, а чекистам надлежало изучить подходы к особнякам, которые занимали анархисты. Для этого Дзержинский и вызвал сотрудников. Хол-

могорову достался особняк на Поварской улице. Изучив все подходы, Владимир Холмогоров на Большой Никитской улице повстречал бывшего жандармского ротмистра Знаменского.

– Вы меня гражданин Холмогоров, так сказать по служебной надобности окликнули? – Знаменский засунул руки в карманы шинели. В правом кармане у него лежал револьвер.

– Да что вы Дмитрий Иванович, – махнул рукой Холмогоров. Он улыбнулся: – Гляжу, человек знакомый идёт. Дай думаю, поинтересуюсь, как у него дела?

Чёрт его знает, что сбило с толку Знаменского?! То ли искренняя улыбка Холмогорова, или мерзкое настроение Дмитрия Ивановича, но он вдруг почувствовал симпатию к этому большевику.

– Знаете Владимир Михайлович, – Знаменский даже вспомнил отчество Холмогорова. Он вынул руки из карманов шинели: – ЧК учреждение молодое, потому опыта у вас маловато, а ведь искусство политического сыска, заключается в умении вести агентурную разработку.

– Это то, что вы пытались провернуть со мной? – кивнул, по-прежнему улыбаясь, Холмогоров.

– Совершенно точно, – вздохнул бывший жандарм. Он развёл руками: – У меня тогда вербовка не удалась, а у вас, в отношении меня, кое-что может получиться. Настроение у меня сейчас такое, что я даже рад встречи с чекистом. Рассказать вам я могу многое.

– Что потребуете взамен?

– Вы обеспечите мне и моей семье безопасный выезд из Москвы, ибо мои новые соратники мне выйти из организации не дадут. За свою жизнь я не боюсь, но отдавать на заклатие дочь и жену не собираюсь.

– Хорошо Дмитрий Иванович, я найду спокойное местечко, где вы сможете исповедоваться, – кивнул Холмогоров.

Этим же вечером на конспиративной квартире ВЧК на Тверской улице, бывший жандармский ротмистр Знаменский рассказал Дзержинскому и Холмогорову о том, что Борис Савинков получил деньги от британского посла Брюса Локкарта на создание антибольшевистской подпольной организации «Союз защиты Родины и Свободы». Знаменский назвал адреса руководителей «Союза» в Москве и Рыбинске. После беседы с ним, ВЧК начнёт свою первую крупную операцию по разгрому антибольшевистского подполья. Это дело войдёт в историю России как «Заговор послов» или «дело Локкарта», правда Дмитрий Иванович Знаменский об этом ничего знать не будет.

В ночь второго апреля, Холмогоров вывезет Знаменского с семьёй на железнодорожную станцию Косино, и посадит на поезд, следующий до Новороссийска. В этом городе у Знаменского жили родители жены, и он хотел пересидеть беспокойное время у них, не во что не вмешиваясь. Однако семью кормить нужно, и когда в августе 1918 года полки Добровольческой войска генерала Деникина вошли в Новороссийск, его повстречал бывший жандармский полковник Мартынов, который был назначен начальником контрразведки Черноморского флота. Мартынов предложил Знаменскому пост начальника контрразведочного отделения в Новороссийске, Дмитрий Иванович согласился.

В марте 1920 года, после поражения Добровольческой армии Знаменский с семьёй из Новороссийска переберётся в Турцию, оттуда уедет в Югославию. Семья Знаменских поселится в Сремской Карловице,³⁴ Дмитрий Иванович получит должность преподавателя французского языка в местной гимназии. Умрёт он в 1928 году сражённый инсультом прямо на уроке. Впрочем, это случится через десять лет, а пока, апрельским утром 1918 года сидя в переполненном вагоне, Знаменский смотрел на спящих жену и дочь, думал, что хорошо сделал, уехав из Москвы.

³⁴ Сремская Карловица – город в Сербии.

«Пусть ценой предательства, – убеждал себя Дмитрий Иванович, так как муки совести он всё же испытывал. Достал платок из кармана пальто и промокнул лоб, в вагоне было душно: – Сейчас все предают и продают! Савинков продаёт Россию англичанам, большевики немцам. Моё предательство на их фоне пустяк».

Знаменский оглядел битком набитый вагон. Большевики, придя к власти, отменили оплату за проезд на транспорте. Поезда в России по-прежнему ходили по всем направлениям, правда, без расписания. Были они всегда битком набиты. Казалось, что всё население страны с мешками и чемоданами отправилось в дорогу. Поезда брали штурмом, и ехал тот, у кого крепче кулаки, либо есть револьвер. Холмогорову чтобы добыть место для семьи Знаменского в синем вагоне³⁵ пришлось помахать револьвером. Семейство Знаменских он разместил в купе, но ехать можно было только сидя, в двухместное купе набилось восемь человек. Под стук колёс Знаменский задремал.

– Дмитрий Иванович, вот уж не ждал повстречать вас тут! – сквозь сон дошли до Знаменского чьи-то слова. Он открыл глаза. От страха с него вмиг слетела дремота. В дверях купе стоял полковник Перхуров в солдатской шинели.

– Я тоже не ожидал увидеть вас здесь, – залепетал Знаменский. Было от чего нервничать! Перхуров, ближайший помощник Савинкова в «Союзе защиты Родины и Свободы». Если он здесь, значит, организации стало известно о побеге Знаменского. Наверное, Перхуров имеет приказ покарать его за предательство.

– Почему вы здесь? – Перхуров говорил тихо, чтобы не будить спящий народ.

– Получил указание от руководителя *нашего* наркомата, открыть учреждение в Воронеже.

– Понятно, – кивнул Перхуров. Он улыбнулся: – Имею подобное же указание из *нашего* наркомата.

Вагон остановился, Перхуров кивнул на перрон:

– А вот и Рязань, мне пора выходить. До свидания Дмитрий Иванович, – Перхуров пошёл к выходу из вагона. На перроне он остановился напротив купе Знаменского. К счастью поезд в Рязани стоял недолго. Вагон тронулся, и вскоре Перхуров остался далеко позади.

³⁵ В Российской империи на железной дороге, в зависимости от класса, вагоны красили в разные цвета. Вагон I класса был синего цвета, вагон II класса – жёлтый или золотистый, III класса – тёмно-зелёный, IV класса – серый.

Глава 4

Александр Перхуров, стоял на перроне Рязанского вокзала, и курил папиросу, разглядывая снующих туда-сюда людей. Швырнув окурок, он направился в город. В Ярославле Перхуров должен организовать подпольную сеть «Союза защиты Родины и Свободы». По сигналу из Москвы, поднять восстание и разогнать в Ярославле советскую власть.

В Рязани Перхурову надлежало встретиться с бывшим становым приставом

36

Александром Дувановым, получить от него явки в Ярославле. Дуванов жил на Семинарской улице, которая начиналась сразу за железнодорожным вокзалом.

Перхуров назвал пароль, и Дуванов впустил его в квартиру.

– Я вижу московская беда, именуемая «уплотнение», к счастью не коснулась Рязани, – улыбнулся Перхуров, разглядывая гостиную бывшего станового пристава.

– Да я слышал, о мерзостях которые творятся в Москве, – вздохнул Дуванов. Он развёл руками: – Людей выкидывают на улицу из своих жилищ.

В гостиной на диване сидел крепко сбитый бородач в офицерском кителе. При появлении Перхурова он встал.

– Знакомьтесь господа, – хозяин прикрыл дверь гостиной.

– Войсковой старшина³⁷ третьего Уральского казачьего полка Колотов Владимир Павлович, – отрекомендовался бородач. Он усмехнулся, глядя на солдатскую гимнастёрку Перхурова: – С кем имею честь?

– Полковник Перхуров Александр Петрович, – представил его хозяин.

– В таком виде безопаснее, – улыбнулся Перхуров.

– Александр Петрович, мы с Владимиром Ивановичем отобедали, но вас я непременно покормлю, – Дуванов направился из гостиной. Он оглянулся: – Сейчас попрошу жену приготовить что-нибудь.

– Господа, позвольте мне откланяться, – щёлкнул каблуками Колотов. Он развёл руками: – Благодарю вас Александр Иванович за гостеприимство, но пора и честь знать.

– Куда изволите ехать господин подполковник? – Перхуров достал из карманов солдатских галифе пачку папирос «Москва».

– В Гурьев,³⁸ я ведь из уральских казаков, – Колотов прошёл в прихожую, Перхуров с Дувановым, следом.

– А шинель-то у вас господин подполковник казачья, не офицерская, – улыбнулся Перхуров.

– Я простой казак, – надел шинель Колотов.

Казак станицы Чаганская Уральского казачьего войска Иван Колотов, седой, словно лунь старик, смолоду был молчалив. Казаки, выпив на гулянке, хвастались своими подвигами, а Иван молчал, хотя рассказать ему было что.

На войне с турками, Иван Колотов служил в сотне, которая входила в отряд генерала Скобелева. В 1877 году отряд Скобелева оборонял Шипкинский перевал. Всеми русскими войсками в Болгарии командовал Великий князь Николай Николаевич. После того как турецкий гарнизон Плевны сдался, Великий князь направил отряд генерала Радецкого, разгромить войска Вассель-паши, возле болгарского городка Шейново. Великий князь Николай Николаевич передал отряд Скобелева генералу Радецкому. Тот направил отряды Скобелева и Свято-

³⁶ Становой пристав – полицейское должностное лицо Российской империи, возглавлявший полицию в административно-территориальной единице, именуемой «стан». В Российской империи губернии делились на уезды, а те на станы. Становой пристав, аналог современного начальника отделения полиции.

³⁷ Войсковой старшина – чин в казачьем войске, равный званию подполковника в Русской императорской армии.

³⁸ Гурьев – современный город Атырау в Казахстане.

полк-Мирского по горным перевалам, чтобы они с двух сторон окружили хорошо укрепленный лагерь Вассель-паши, перерезав ему пути подвоза боеприпасов и продовольствия.

Через горные перевалы русским пришлось идти по пояс в снегу, при сильном морозе и ветре. В сугробах копали дорогу, чтобы могли пройти кони. Отряд князя Святополк-Мирского, преодолев перевал, не дожидаясь Скобелева, пошёл в атаку.

Генерал Радецкий рассчитывал, что Святополк-Мирский и Скобелев ударят одновременно по флангам турок, а он с остатками своих сил будет атаковать во фронт. Однако Святополк-Мирский начал раньше, и Радецкому ничего не оставалось, кроме как поддержать его атаку, ударив фронтально по туркам.

Понимая, что опаздывает, Скобелев бросил на турок три казачьи сотни под руководством своего штаб-офицера полковника Келлера. Турки встретили казаков артиллерийским огнём, но казачью лаву остановить не смогли. Тогда Вассель-паша послал против казаков Дагестанский конный полк мухаджиров.³⁹ Те ненавидели русских и в плен их не брали.

Мухаджиров было в три раза больше, и уральские казаки, стали отходить. Конь полковника Келлера был убит, а сам он ранен в ногу. Не сносить бы ему головы, но тут бородастый казак подскочил к нему, усадил на своего коня, а сам, взявшись рукой за стремя, бежал рядом.

Отряд генерала Скобелева, преодолев перевал, пошёл на помощь казакам. Теперь уже мухаджирам пришлось удирать от русских. Именно удар Скобелева решил исход битвы, Вассель – паша сообразил, что окружён, и предпочёл капитулировать. Мухаджиры в плен русским сдаваться побоялись, и ушли горы.

После поражения Вассель-паши, путь русской армии на Константинополь был открыт, это решило исход войны. Османская империя признала победу России. Полковник Келлер с ранением угодил в лазарет, так и не успев поблагодарить своего спасителя. Иван Колотов вернувшись с турецкой войны, женился, родился у него сын Вовка, а потом друг за другом родились три дочери.

В 1890 году Фёдор Иванович Келлер, получив чин генерал – майора был назначен главой управления казачьих войск при военном ведомстве. Однажды по казённой надобности он приехал в Гурьев,

Казак Иван Колотов повёз как-то своё семейство в Гурьев на ярмарку. Там засмотрелись дети на скоморохов, а Иван глядит, к нему генерал идёт со своей свитой. Встал казак как положено: во фронт, честь отдал. Генерал полез обниматься, оказалось, это тот самый полковник, которого Иван под Шейново от смерти спас.

Генерал Келлер добился, чтобы десятилетний Вовка Колотов за казённый счёт был зачислен в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Окончив его, Владимир поступил в Оренбургское казачье училище, оттуда выпустился в чине хорунжего⁴⁰ во 2-й Уральский казачий полк. В 1901 году окончил Кавалерийскую офицерскую школу, в двадцать три года получил чин сотника.⁴¹ В то время в станице он был первым, кто выслужил офицерский чин. Перед самой войной, Владимир получил чин есаула,⁴² окончил Николаевскую академию. Во время войны выслужил чин войскового старшины, впрочем, сейчас это уже не имело никакого значения, ибо революция отменила чины и сословия. Так что домой Владимир Колотов приехал без погон.

³⁹ Мухаджиры – с арабского языка переводится «переселенцы». После окончания Кавказской войны в 1858 году, горцы, не желавшие жить в Российской империи, переселились в Османскую империю. Там из них набиралась иррегулярная кавалерия.

⁴⁰ Хорунжий – казацкий чин в Русской императорской армии, приравненный к корнету в кавалерии, подпоручику в пехоте или артиллерии. Аналог звания лейтенант в вооружённых силах РФ.

⁴¹ Сотник – казацкий чин Русской императорской армии, приравненный к поручику в кавалерии, пехоте или артиллерии. Аналог звания старший лейтенант в вооружённых силах РФ.

⁴² Есаул – казацкий чин Русской императорской армии, приравненный к званию ротмистр в кавалерии, капитан в артиллерии и пехоте. Аналог звания майор в вооружённых силах РФ.

– Отвоевался, стал быть Ваше высокоблагородие?! – усмешкой встретил его отец. – А где так долго пропадал? Наши-то давно вернулись.

– Собрался было на Дон к генералу Корнилову ехать, – Владимир поставил на лавку вещмешок. Он улыбнулся: – А потом подумал: «Зачем?» Не зря же говорят: «Где родился, там и пригодился».

Иван Колотов после смерти жены, жил в семье младшей дочери Любаши. Его зять Матвей Карнаухов был сиротой, с младенчества рос у Колотовых. Любаша с Матвеем с измальства были вместе, вот и попросили у Ивана благословения на брак. Рассудил Иван: «Хоть и не богат будущий зятьёк, но до работы охочий. А добро оно наживётся». Благословил их Иван.

В середине апреля земля для пахоты ещё сырая, Матвей возился во дворе, готовил борону⁴³ и плуг.⁴⁴ Его жена с дочерьми, (неизвестно почему, но в семействе Колотова почти всегда одни девки рождаются), копали землю в огороде. С появлением дорогого родственника, всё семейство Карнауховых собралось в горнице. Казак домой без подарков не должен возвращаться, развязал Владимир свой вещевого мешок.

Подарил отцу фуражку, зятю диковинный складной нож с множеством лезвий, сестрице платок, а племянницам сладких пряников. Тем временем весть о приезде Владимира Колотова разнеслась по станице. Первым прибежал его двоюродный брат Митька Краснов.

– Здорово дневали, – с порога заорал он. Перекрестился на образа, да полез обниматься с Владимиром. Потом посмотрел на его китель: – Одень хоть погоны Ваше высокоблагородие. Не каждый казак до войскового старшины дослуживается.

– Теперь это в прошлом, – махнул рукой Владимир.

– Федька Кромешников тоже в офицеры выбился, сотником в станицу приехал, – улыбнулся Матвей Карнаухов.

В станице Чагановская жил казак Фрол Балакирев. Любил он хвалиться на гулянках, древностью своего рода. Говорил, что родословная его идёт от опричника Прони Балакирева. Слово «опричь» со славянского языка переводится «кроме». Опричь звались деревни, которые князья отписывали своим дочерям, когда они выходили замуж. Опричь входило в их приданное, однако муж не мог распоряжаться по своему усмотрению этой частью приданного. Царь Иван Грозный на Руси в некоторых землях ввёл прямое царское правление. Земли эти тоже называли «опричь». На остальной территории Руси правили князья да бояре, ибо эти земли были их родовой вотчиной. За порядком в опричи наблюдали специальные царёвы люди, которых звали опричники. Другое их название – «кромешники».

Всё это на гулянках любил рассказывать Фрол Балакирев, за что и получил прозвище «Кромешник». Сыновей его в станице величали «Кромешниковы».

– В самом начале войны, я Андрея Кромешникова в школу подхорунжих определил, – Владимир Колотов достал из кителя пачку папирос.

– У меня на руках Андрюха помер, – вздохнул Митька Краснов. Он перекрестился на образа: – Упокой Господи его душу.

Вечером в доме Ивана Колотова собрались казаки, выпивали, вспоминали минувшую войну, помянули павших. Захмелев, принялись хвалиться, как били германцев да австрийцев. Потом душа запросила песни, и затянул Митька Краснов:

– За Уралом, за рекой.

Казаки гуляют,

Ей! Пей! Пой! Гуляй!

Казаки гуляют.

⁴³ Борона – сельскохозяйственный инвентарь в виде рамы с зубьями для разрыхления почвы.

⁴⁴ Плуг – сельскохозяйственный инвентарь с широким металлическим лемехом. Служит для вспашки земли.

– Тесть мой, Алексей Иустинович сказал, что в Гурьеве иногородние⁴⁵ хотят рыбу на Урале ловить. Говорят ныне нет у казаков никаких привилегий, – прервал Митькино пение Прохор Балакирев, старший сын Кромешника.

– Три века назад киргизы хотели Яик⁴⁶ прибрать к рукам, да ничего у них не вышло. Мы и этих лихоимцев прижмём! – стукнул кулаком по столу Кромешник.

– Правильно Фрол Матвеевич! Яик наш и мы у любого отобьём охоту зариться на него! – кивнул Иван Колотов.

Загалдели казаки разом, а Фёдор Балакирев вышел из-за стола во двор. На летней кухне Люба Карнаухова мыла посуду.

– Что не сидите за столом Фёдор Фролович? Али угощение наше не понравилось? – Люба стала вытирать полотенцем посуду.

– Душно, голова разболелась. Пойду к реке, там, на прохладе развеюсь, – Фёдор вышел за ворота.

Но к Уралу он не пошёл. В центре станицы стоял каменный двухэтажный дом купца Алексея Иустиновича Шахова. Дочь купца, Настенька, была женой его старшего брата Прохора. Но не любя она была ему. Сильно любил Прохор свою первую жену Дуняшу, которую в пьяной горячке убил станичный кузнец Герасим Афанасьев.

В начале Настенька Шахова предназначалась в жёны Андрею, брату – близнецу Прохора. Но тот пошёл против отцовской воли, и нашёл себе жену в Москве. Кромешник очень хотел породниться с купцом Шаховым, а тут Прохор овдовел. Вот и оженили купец и казак своих детей: Прохора с Настенькой. Да не лежала у Прохора душа ко второй жене, ибо никак он не мог забыть первую. Зато с юности Федька был влюблён в Настеньку.

В приданое за дочерью, купец Шахов отдал дом и лавку в станице Чагановской. Прохор купцом становится, не захотел, и в лавке заправлял старый приказчик Лука Емельянович. Он с женой занимал одну комнату на первом этаже купеческого дома. Раз в два-три дня Настенька навещала в лавку, проверять торговые книги. В эти дни тайком пробирался в купеческий дом и Фёдор, на свидание к Настеньке.

– Ох, Федька, испоганили мы с тобой свои жизни, – вздохнула Настенька. Она возле зеркала надевала кофту: – Мне в глаза твоей Василисе взглянуть страшно.

– А мне, думаешь легко на Прохора смотреть?! – Федька сел на кровати.

– Да ему, что я есть, что меня нет! – голос Настеньки зазвенел. Он всегда становился у неё словно колокольчик, когда она злилась.

У Федьки от этого такая нежность разладилась по душе, что он вскочил с кровати и обнял Настеньку.

– Зато мне плохо, когда тебя нет рядом, – он стал целовать Настеньку в шею. Поцеловав в щёку, вздохнул: – На фронте все мысли только о тебе были, а о Василисе вспоминал, когда письма домой писал.

Каждый раз Настенька давала себе зарок, что это их последнее свидание. Нужно образумиться! Но Федька вот так как сейчас обнимал её, и не хватало у неё сил оборвать всё.

– Мне нужно идти, – Настенька со вздохом освободилась от объятий Федьки. В дверях комнаты она обернулась: – Ты домой следом за мной не приходи!

⁴⁵ Иногородние – лица неказацкого сословия, проживающие в землях казацкого войска. По закону, иногородние не имели права владеть землёй на территории, принадлежащей казацкому войску, могли только арендовать её. На территории Уральского казацкого войска вся земля была общинной, и никто из казаков также владеть ей не мог, однако иногородние не имели права даже арендовать землю. Также иногородние не могли заниматься рыболовством на Урале, это привилегия уральских казаков, дарованная им в 1615 году царём Михаилом Фёдоровичем.

⁴⁶ Яик – ныне река Урал. Переименовали реку в правление императрицы Екатерины II, так как многие яицкие казаки поддержали восстание Емельяна Пугачёва. Императрица хотела стереть из памяти людской это восстание. Река Яик стала Уралом, а яицкие казаки, уральскими.

Лука Емельянович выпустил Федьку через заднюю калитку. Застегнув шинель, отправился тот на берег Урала. Глядя на серебряную луну, на скрытый в темноте бухарский берег,⁴⁷ думал Федька о себе: слабовольный он человек. Ехал домой с войны, давал зарок не пакостить брату, но увидев Настеньку, позабыл про все свои клятвы. Вспомнил, как сказал поручик Зуев, выслушав пьяную Федькину исповедь:

« Ничего, после войны распутаем мы все свои узелки, а если убьют, так всё само собой развяжется».

– Лучше бы меня на войне убило! – швырнул Федька камень в реку и пошёл домой.

Во дворе сидел отец на завалянке, накинув шинель на плечи.

– Ну как нагулялся? – Кромешник исподлобья глянул на сына.

– Да, – кивнул Федька и стал подниматься на крыльцо.

– У тебя паскуда совесть есть?! – вскочил Кромешник и схватил его за плечо. Кромешник большого роста, и низенький Федька был ему по плечо. Дал бы сыну сейчас затрещину, да нельзя, всё же офицер!

– О чём вы папа? – Федька убрал руку отца. Он поднялся на крыльцо, оглянулся: – Я на реку ходил. Плохо мне от самогонки стало, пошёл к Уралу умыться.

В горнице Фёдор снял сапоги, держа их в руках, на цыпочках прошёл в их с Василисой комнату. Разделся и лёг на кровать. Хотел обнять жену, но после Настеньки, не мог он заставить себя прикоснуться к ней. Он отвернулся, и показалось ему, вздохнула Василиса.

Кромешник после ухода сына посидел ещё немного во дворе, потом поднялся в дом. Лёг на кровать долго ворочался.

– Чего вздыхаешь как старый мерин?! – ткнула его локтём Наталья Михеевна, жена Кромешника.

Настенька в своей комнате в ночной рубашке сидела перед зеркалом и расчёсывала волосы, Прохор лежал на кровати. Она слышала, как вернулся Фёдор. Вспомнились ей раскосые Федькины глаза (в роду Натальи Михеевны были казахи). Вздохнув, спросила Настенька мужа:

– О чём казаки говорили на гулянке?

– Ругали новую власть, – зевнул Прохор. Он погладил бороду: – Говорили, что нужно братья за оружие и гнать советскую власть.

– Это добром не кончится, – вздохнула Настенька.

– Знамо дело, – усмехнулся Прохор. Он поправил подушку: – Сначала с германцем воевали, теперь друг с дружкой начнём.

⁴⁷ Бухарский берег – до первой половины XIX века на правом берегу Урала были земли Уральского казачьего войска, а на левом берегу кочевали казахи Букеевской орды. Её правители считались союзниками русского царя, но через их земли на русскую сторону совершали набеги племена киргизов, данников Бухарского хана. Они угоняли у казаков скот и пленников в рабство. Левый берег Урала казаки звали «бухарский берег». Именно оттуда была угроза нападения со стороны киргизов. Во второй половине XIX века русские войска разгромили Бухарское ханство, и оно перестало существовать, но левый берег Урала до тридцатых годов XX века продолжали звать «бухарским».

Глава 5

Партия большевиков в 1917 году была малочисленной, и к власти в России она смогла прийти только благодаря строгой дисциплине. Противников у большевиков было много, но они оказались разобщены и грызлись между собой. Матрос Железняк в январе 1918 года разогнал Всероссийское учредительное собрание, и депутаты разъехались по своим губерниям. Там принялись сколачивать антибольшевистские группы, в них преобладали политики, которые были способны лишь на болтовню, а для борьбы требовались действия. Офицеры недовольные советской властью, презирали политиков, считая их виновными всех бед постигших Россию. Офицеры были согласны воевать против большевиков, но не было того, кто поведёт их в бой. Среди генералов не оказалось лидера, за которым пошли бы офицеры. Лавр Георгиевич Корнилов, которому верило всё русское офицерство, после неудачного мятежа в августе 1917 года сидел в Быховской тюрьме. Гораздо меньшим авторитетом пользовался генерал Алексеев, но именно он решил собирать Добровольческий корпус для борьбы с большевиками.

Октябрьская революция застала генерала Алексеева в Петрограде, он уехал на Дон. В столице Донского казачьего войска городе Новочеркасске, Алексеев встретился с атаманом Калединым, и попросил:

«Дайте приют русскому офицерству».

Генерал Каледин собирал донских казаков для борьбы с советской властью, но на сотрудничество с Алексеевым не пошёл, заявив ему:

«Рекомендую вам больше недели в Новочеркасске не задерживаться, и перенести формирование Добровольческого корпуса за пределы области Донского казачьего войска».

Алексеев рекомендацию проигнорировал, а Каледин предоставил для пребывающих офицеров два дома на Барочной улице. На них прибили вывеску: «Лазарет для выздоравливающих раненных».

Двойственная позиция Каледина объяснялась просто: очень много казаков поддерживало советскую власть, вдобавок в земли Донского казачьего войска входили Донбасс, Таганрог и Ростов на Дону, а там сильны позиции большевиков. Они организовали отряды Красной гвардии. Каледин видел: сил у него мало. Потому он опасался провоцировать большевиков.

26 ноября 1917 года большевистское правительство в Ростове на Дону объявило, что вся власть в области Донского казачьего войска переходит в руки Ростовского военно-революционного комитета. Каледин понял, что дальше он лавировать не сможет, и объявил мобилизацию в станицах. Но казаки на войну с большевиками идти не желали. Тогда Каледин обратился за помощью к генералу Алексееву. На тот момент в Добровольческом корпусе было пять рот, (две роты юнкеров и три офицерские роты), общей численностью в пятьсот человек. К ним присоединились некоторые казаки и новочеркасские гимназисты. Второго декабря Добровольческий корпус, разбив отряды Красной гвардии, захватил Ростов на Дону. Затем отряды генерала Алексеева взяли Таганрог и освободили от большевиков почти весь Донбасс.

2 декабря 1917 года, (за день до своей смерти), верховный главнокомандующий генерал Духонин приказал освободить Корнилова из Быховской тюрьмы. Тот поехал в Новочеркасск. С прибытием Лавра Георгиевича, генерал Алексеев передал ему командование формирующимся Добровольческим корпусом, а сам занялся организационно-финансовыми вопросами.

В августе 1917 года Керенский назначил генерала Алексеева верховным главнокомандующим. Именно Алексеев отдал приказ об аресте Корнилова, после неудавшегося мятежа. Этого Лавр Георгиевич простить ему не мог, но генералам приходилось работать бок обок.

Правительство Советской России среагировала на действия Каледина и Алексева: 6 декабря 1917 года был образован Южный фронт во главе с Антоновым-Овсеенко.⁴⁸ Фронт формировался из отрядов Красной гвардии, полков старой армии возвращающихся с войны. Это было рыхлое военное формирование, без воинской дисциплины. За счёт превосходства в численности, красные теснили Добровольческий корпус, приближаясь к Новочеркаску.

11 февраля 1918 года генерал Корнилов сообщил Каледину:

«Борьба с большевиками на Дону проиграна, я отвожу Добровольческий корпус на Кубань. Предлагаю вам Алексей Максимович идти с нами».

Каледин отказался, и Лавр Георгиевич вышел из его кабинета. Атаман спустя час собрал членов Войскового казачьего правительства, и объявил им, что Добровольческий корпус Корнилова уходит на Кубань.

« Казачи не захотели поддержать своего атамана в борьбе против большевиков. По этой причине я принял решение сложить с себя полномочия атамана Донского казачьего войска», – такими словами закончил заседание генерал Каледин.

Он отправился в свой кабинет, по пути размышляя о том, что у него нет ни одной причины, по которой ему следует цепляться за жизнь. Его сын утонул в одиннадцатилетнем возрасте, жена Мари Гранжан живёт в Швейцарии. Можно ехать к ней, но Каледин русский, и жизни без России не мыслил. Теперь выясняется, что и России он не нужен. Придя в свой кабинет, Каледин приставил револьвер к груди и нажал на курок.

Утром 12 февраля 1918 года генерал Корнилов вывел Добровольческий корпус из Новочеркасска. Войско Лавра Георгиевича насчитывало чуть более двух тысяч человек. Они шли по степи, под проливным дождём, к вечеру ударил мороз, мокрые шинели заледенели. Так начался знаменитый «Ледяной поход».

В начале 1918 года кубанские казаки образовали Кубанскую народную республику со столицей в Екатеринодаре.⁴⁹ Правительство возглавлял войсковой атаман Александр Филимонов. Чуть позже большевики в Новороссийске объявили о создании Черноморской советской республики, в которую вошли земли Кубанского края и Кубанского казачьего войска. Отряды Красной гвардии выбили казачьи войска из Екатеринодара. Правительство Кубанской республики переместилось в станицу Ново-Дмитровскую.

Генерал Алексеев заключил союз с атаманом Филимоновым о совместной борьбе с большевиками. В результате, к двум тысячам штыков Добровольческого корпуса присоединилось пять тысяч сабель кубанских казаков, и два артиллерийских орудия. Теперь это была уже Добровольческая армия. Ей предстояло взять Екатеринодар, чтобы у Добровольческой армии появилась база для дальнейшего формирования.

Екатеринодар защищала Юго-Восточная революционная армия под командованием бывшего хорунжего Алексея Автономова. В его армии насчитывалось восемнадцать тысяч человек, десять артиллерийских орудий и бронепоезд. Численное превосходство было на стороне большевиков, но Лавр Георгиевич рассчитывал на боевой дух своей армии, её опыт. К тому же, ему доносили, что с приходом Добровольческой армии, у большевиков началась паника.

Поначалу корниловцам сопутствовал успех. Они переправились через Кубань, окружили Екатеринодар с трёх сторон. Однако Автономову удалось навести порядок в своей армии, прекратить панику, а боеприпасов и людей у него было значительно больше. Он втянул Добровольческую армию в позиционные бои на окраине города. Победить в них у Корнилова не было ни единого шанса. Это понимали его генералы: Марков, Казанович, Эрдели, командовавшие полками Добровольческой армии, видели и офицеры, служившие рядовыми в этих полках. Все

⁴⁸ Владимир Александрович Антонов-Овсеенко (1883 – 1938) – российский революционер. Член РСДРП с 1904 года. До 1917 года принадлежал к фракции меньшевиков, а после Октябрьской революции примкнул к большевикам.

⁴⁹ Екатеринодар – теперь этот город зовётся Краснодар.

знали: бывший хорунжий Автономов вконец изматывает Добровольческую армию, а потом красные контратакой прихлопнут тех, кто уцелел в кровавых боях. Трагический конец Добровольческой армии видели все, в том числе и Лавр Георгиевич, однако Корнилов упрямо гнал свою армию в бесконечные атаки.

Для своего штаба он выбрал здание фермы Екатеринодарского сельскохозяйственного общества – одноэтажный деревянный дом с несколькими комнатами. Ночью тридцатого марта Корнилов собрал на совещание командиров. Все они как один стали уверять Лавра Георгиевича, что в результате неудачного штурма, в полках и бригадах осталось не более четверти личного состава. Для сохранения Добровольческой армии нужно срочно отходить от Екатеринодара, так как по железной дороге на помощь Автономову прибывает подкрепление. С его помощью он окружит и уничтожит Добровольческую армию.

Терпеливо выслушав всех, Корнилов сказал:

– Положение действительно тяжёлое, и я не вижу другого выхода, кроме как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил: завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Отход от Екатеринодара будет медленной агонией нашей армии. Лучше умереть с честью, чем влачить существование затравленных зверей.

Алексеев убедил Корнилова отложить штурм Екатеринодара ровно на одни сутки, чтобы дать отдых людям. Генерал-лейтенант Марков после совещания вернулся в свой Офицерский полк. Он построил оставшихся в живых офицеров, было их сто пятьдесят человек из семи сотен в начале штурма. Марков объявил:

– Послезавтра, первого апреля, будет штурм Екатеринодара. Город мы взять не сможем. У кого ещё осталось чистое бельё, наденьте, оно вам больше не понадобится.

Поручик Михаил Абрамов, выслушав генерала Маркова, подумал, что умирать в двадцать четыре года глупо. Однако в чистое переоделся. Недельные бои под Екатеринодаром смертельно вымотали Михаила, несмотря на страшную усталость, уснуть он не мог. В его вещмешке лежала граната. Взяв её, он отправился к штабу Добровольческой армии. Когда Михаил подошёл туда, Корнилов ушёл в свою комнату. Время было семь часов утра, Лавр Георгиевич задул керосиновую лампу и сел на свою походную кровать. Михаил заглянул в окно: в комнату Корнилова вошёл штабс-капитан Тюрин и что-то докладывал генералу. Тюрин вышел из комнаты, а Корнилов, сидя на кровати, прислонился к стене.

Часовой стоял у входа в штаб, с противоположной стороны, так что Абрамова никто не видел. Он достал из кармана шинели гранату, выдернул чеку, и швырнул её в окно. Корнилов, услышав звон разбитого стекла, открыл глаза и вскочил на ноги, раздался взрыв.

В другой комнате, с картой, расстеленной на столе, работали генералы Деникин и Романовский, у стола стоял командир Текинского полка Хан Ходжиев. На лавке у стены, дремали адъютант Корнилова поручик Долинский и офицер связи Тюрин. В соседней комнате раздался звон разбитого стекла и взрыв, все на миг оцепенели. Потом бросились к Корнилову. Лавр Георгиевич ещё несколько минут был жив, он умер на руках у генерала Деникина.

Моральный дух Добровольческой армии был подорван недельным, безуспешным штурмом Екатеринодара, а тут ещё подозрительная смерть Лавра Георгиевича. Генералы объявили: Корнилов погиб в результате артиллерийского обстрела красных. Дабы пресечь ненужные разговоры по поводу отсутствия воронок возле штаба, пояснили, что большевики выпустили всего один снаряд, который попал в комнату Корнилова. Измученное войско «проглотило» это объяснение, а генерал Деникин принявший командование Добровольческой армией, приказал отходить от Екатеринодара. Ночью тридцать первого марта, армия в спешном порядке ушла к станции Медведовской – нужно отрываться от войск Автономова. Добровольческая армия представляла собой жалкое зрелище: тысяча человек сопровождала санитарный обоз, в кото-

ром на телегах лежало свыше трёх тысяч раненных. На каждом привале приходилось рыть десятки могил. Шли к станции Егорлыкской⁵⁰ под защиту германской армии.

Пока Добровольческая армия тащилась к станции Егорлыкской, в молдавском городе Яссы бывший начальник штаба 15-ой пехотной дивизии полковник Дроздовский собирал добровольческий отряд. Он слышал, что на Дону генерал Алексеев формирует корпус для борьбы с большевиками. Со своим отрядом полковник Дроздовский намеревался присоединиться к нему. В его распоряжении были десяток артиллерийских орудий, несколько броневиков. Деньгами ему помогали британская и французская военные миссии, прикомандированные к штабу румынской армии. В отличие от Добровольческой армии, в отряде Дроздовского не было проблем с военной амуницией и боеприпасами. Собрав тысячу офицеров, полковник Дроздовский двинулся воевать с советской властью.

Мужики организовывали Советы, делили помещичью землю, и отряд Дроздовского занимая деревни, вешал мужиков. Зверства дроздовцев стали их «фирменным стилем». Где бы они ни появлялись, сразу вешали и расстреливали.

В апреле 1918 года на территории Российской империи разгоралась гражданская война, но это были отдельные очаги. Полыхнёт на всю страну гораздо позже, а пока ставший после смерти Каледина атаманом войска Донского генерал Краснов делал попытку наладить отношения с большевиками. Он послал в Москву подхорунжего Алексея Падалкина. Донские казаки не хотели воевать с Советской властью, и пытались уладить дело миром. Уральские казаки тоже не горели желанием воевать с большевиками, но они требовали, чтобы власть большевиков признала их привилегию заниматься рыболовством на Урале.

В апреле думать о рыбалке рано, а озаботиться посевной в самый раз. В станции Чаганская сеять стали двадцать пятого апреля. На второе мая выдался Чистый четверг. В этот день казаки в поле не шли, прибирались дома, во дворе и на улице. Потом всё казачье семейство мылось в бане. В пятницу женщины начинали готовить творожную пасху и печь куличи. Мужчины и дети в этот день в дом не допускались, дабы своей беготнёй да грубым словом не нарушали таинство приготовления пасхального угощения. Кроме куличей и пасхи, казачки готовили обильное угощение. В пасхальное утро казаки ходят, друг к другу в гости.

В доме Балакиревых, Наталья Михеевна со своими невестками Василисой и Настенькой с утра возились на кухне.

– Ты что же за куличами не следишь?! Пригорают же! – набросилась Василиса на Настеньку. Она взяла в руки схватницу⁵¹ и достала из печи чапельник⁵² с куличами: – У тебя паскуда одна забота, а о том, как с моим Федькой блудить, не до куличей тебе!

Василиса прислонила схватницу к печи.

– Что ты такое говоришь?! – всплеснула руками Настенька.

– Я говорю?! – ткнула себя в грудь Василиса. Она схватила ухват:⁵³– Да об этом вся станция судачит. Стерва! Сейчас разобью тебе башку!

Василиса замахнулась ухватом, а Настенька вцепилась руками ей в волосы. Наталья Михеевна схватила ведро с лавки и окатила невесток водой.

– Охолонитесь дуры! – старуха поставила пустое ведро на пол. – Настя, вытри пол!

Повернувшись к Василисе, кивнула на печь:

– Следи за куличами.

Подойдя к образам, Наталья Михеевна перекрестилась:

– После Светлого Христова Воскресенья всё решим и уладим.

⁵⁰ Станция Егорлыкская – ныне административный центр Егорлыкского района Ростовской области.

⁵¹ Схватница – деревянная лопата с помощью, которой, из русской печи доставали хлеб и пироги.

⁵² Чапельник – сковородка без ручки.

⁵³ Ухват – ручной инструмент, чтобы доставать из печи глиняные и чугунные горшки. Палка с металлической рогаткой на конце.

В понедельник, рано утром из Гурьева в станицу Чагановскую прискакал вестовой, передал пакет войсковому старшине Колотову от атамана Гурьевской группы казачьих войск полковника Толстова. Тот приказывал направить к станице Семиглавый Мар две казачьи сотни и выбить оттуда красных.

Городок Гурьев располагался в землях Уральского казачьего войска на берегу Урала, неподалёку от устья реки. В феврале 1917 года в Гурьеве был организован Совет рабочих и солдатских депутатов. Его возглавил кузнец Василий Тяжев. Членами совета он сделал своих приятелей: маляров Степана Курдюкова и Акима Евсеева, наборщика окружной казачьей типографии Ивана Каткова, и учителя начальной школы Павла Червякова. Все они были иногородними. Вошли в Совет священник гурьевского храма Успенья Пресвятой Богородицы Алексей Лоскутов и его дьяк Нил Внуков. До этого, кроме большевика Тяжева, политикой никто из них не интересовался.

Одновременно продолжало работать правление Гурьевского отдела Уральского казачьего войска. В январе 1918 Василий Тяжев отправился в Петроград на Всероссийский съезд Советов. Когда он вернулся, стали прибывать казаки с фронта. К советской власти они относились лояльно. Тяжев заявил: отныне в Гурьеве устанавливается большевистская власть. Он организовал народную милицию, в которую набрал исключительно казахов. Иногородний Тяжев, казаков недолюбливал и не доверял им.

В марте в Гурьеве объявился полковник Владимир Толстов, он возглавил правление Гурьевского отдела Уральского казачьего войска. В столицу казачьего войска город Уральск, вернулся полковник Матвей Мартынов. Он происходил из семьи казаков-старообрядцев, и большевиков считал слугами Антихриста. Принять Советскую власть Мартынов не мог. В конце войны он командовал 3-м Уральским казачьим полком. После Октябрьской революции полковник Мартынов умудрился сохранить свой полк как боевую единицу. В январе 1918 года полк двинул с Юго-Западного фронта в земли Уральского казачьего войска. На ходу громил отряды Красной гвардии, пытавшиеся разоружить полк. В феврале добрались до Саратова. Там Мартынов услышал про антибольшевистское восстание в Астрахани, и двинул полк туда. Однако к тому времени мятеж был подавлен большевиками. Мартынов вынужден был вести казаков домой. В Уральске он распустил полк, и казаки разъехались по домам. Матвей Мартынов принялся готовить антибольшевистское восстание. Он отправил связного в Гурьев с приказом полковнику Толстову тоже готовиться к восстанию. Тот привлёк войскового старшину Колотова.

16 марта 1918 года Мартынов арестовал в Уральске членов Совета, и послал в Гурьев связного с приказом: пора начинать! Толстов разослал вестовых к своим офицерам с приказом прибыть в Гурьев. Колотов прихватил с собой двоюродного брата Митьку Краснова, Фёдора и Прохора Балакиревых.

Ночью 18 марта советская власть заседала в здании правления Гурьевского отдела. Когда казаки ворвались в комнату, Василий Тяжев смахнул со стола керосиновую лампу, и в темноте выпрыгнул в окно. Остальных членов Совета повязали и отправили в гарнизонную тюрьму. Люди пока ещё не ожесточились, казаки в мыслях не держали, убивать членов Совета. Все же свои, гурьевские! Их продержат в тюрьме до июля 1918 года, потом посадят на баржу, повезут на остров Пешной, и там всех расстреляют. Однако мы забегаем вперёд.

После захвата власти в Гурьеве, Толстов собрал казачий Круг, на котором его избрали атаманом Гурьевской дружины. Своим начальником штаба Толстов назначил Владимира Колотова, велел ему сформировать из казаков станицы Чагановской две сотни. Первой сотней командовал сотник Фёдор Балакирев, второй Митька Краснов, которому Колотов своей вла-

стью присвоил чин подхорунжего.⁵⁴ Митька, нацепив офицерские погоны, долго вертелся дома перед зеркалом.

Проход Балакирев по ранению был списан со службы, но казаки вплоть до шестнадцатилетних юнцов записались на службу, пошёл и он. Проход попал в сотню Митьки Краснова. Тут посевная подошла, и занялись казаки крестьянским трудом.

В апреле 1918 года казаки изгнали советскую власть со всей земли Уральского казачьего войска. С землями уральских казаков граничили Саратовская и Самарская губернии. Там советская власть держалась крепко, но постоянно вспыхивали антибольшевистские мятежи. Самарский и Саратовский Советы посчитали опасным соседство с землями уральских казаков, так как там нет советской власти.

28 апреля 1918 года председатель исполкома Саратовского совета рабочих депутатов Михаил Васильев по телеграфу отправил в Уральск ультиматум. Он требовал изгнать из города «офицеров и пришлый буржуазный элемент». На выполнение отводил пять дней, потом грозил перекрыть железную дорогу Уральск – Самара.

По истечению срока ультиматума, из Николаевска⁵⁵ подавлять восстание уральских казаков пошла армия Саратовского совета под командой бывшего фельдфебеля Василия Чапаева. В его отряде насчитывалось четыре тысячи человек, бронепоезд, десять артиллерийских орудий и свыше тридцати пулемётов.

Первого мая отряд Чапаева вошёл в Большую Глушицу⁵⁶ – богатое, торговое село. Отсюда в земли уральских казаков самарские купцы возили мануфактуру, обувь и всякие «мелочные товары». Казаки через село везли в Самару рыбу, кожи и гнали скот. По воскресеньям в Большой Глушице устраивался базар, у многих сельчан сложились крепкие связи с казаками. Чапаев решил дать отдых своему отряду. В Большой Глушице его бойцы шлялись по селу, выискивая, где можно купить самогон. Кто-то из них проболтался, что идут они воевать с казаками. Глушёвцы сообщили это казакам.

Чапаев рассчитывал, двигаясь вдоль железной дороги, выйти к Уральску, захватить город и установить советскую власть. Полковник Мартынов, предупреждённый о движении на Уральск большого отряда красных, стал собирать казачье войско. Пока же он мог отправить заслоном три сотни казаков. Отряд Чапаева, тесня казачий заслон, двигался к Уральску, занимая по пути железнодорожные станции и оставляя там гарнизоны.

Пятого мая полковник Мартынов с десятью казачьими сотнями пытался задержать красный отряд возле станции Шипово. Станичники наступали лавой. Страшная это вещь казачья лава: несётся на тебя с гиканьем и свистом, и крутится в голове мысль: «Что ты сможешь сделать против такой силищи со своей винтовкой?!»

В чапаевском отряде преобладали деревенские мужики и рабочие, военному делу они не обучены. Повыскакивали они из окопов и побежали. Чапаев развернул в цепь свой резервный отряд и встретил казаков пулемётным огнём. Потеряв несколько человек, казаки отошли.

Полковник Мартынов понимал, что мобилизовав казаков, он сможет собрать себе войско, превосходящее по численности отряд Чапаева. Но у казаков плохо с боеприпасами, а с шашкой против пушек не повоюешь. Он решает перерезать в тылу красных железную дорогу, лишив их подвоза боеприпасов.

⁵⁴ Подхорунжий – офицерский казачий чин в Русской императорской армии, присваиваемый во время войны. Соответствовал чину прапорщик в пехоте или артиллерии.

⁵⁵ Николаевск – теперь это город Пугачёв в Саратовской области.

⁵⁶ Большая Глушица – сейчас это районный центр Большеглушицкого района Самарской области.

На рассвете шестого мая к Колотову прискакал вестовой с приказом от Толстова: двум казачьим сотням выбить красных с железнодорожной станции Семиглавый Мар, войсковому старшине Колотову мобилизовать со станиц Гурьевского отдела тридцать казачьих сотен.

Сотни Фёдора Балакирева и Митьки Краснова шли к станции Семиглавый Мар. Фёдор решил сначала разведать обстановку. Рядом со станцией есть казачьи хутора Вавилин и Крутеньки. Балакирев решил остановиться в них на ночлег. Фёдор повёл свою сотню в Вавилин, а Митька ушёл в Крутеньки.

На хуторе Вавилин жил Иван Каргаполов служивший в сотне Балакирева в 10-м Уральском казачьем полку. В 1917 году Иван был ранен, в госпитале ему ампутировали левую руку. Фёдор на постой остановился в его доме. Утром Фёдор пил чай с Иваном, а из Крутеньков прискакали Митька Краснов с Прохором Балакиревым.

– Здорово дневали хозяева дорогие, – Митька перекрестился на образа.

– Слава Богу, – встал с табурета Иван. Он указал рукой на стол: – Отведайте казаки наш хлеб-соль.

– Спасибо за угощение, но нас в Крутеньках покормили, – Митька уселся на лавку возле окна, а Прохор остался стоять. Нехорошо казаку при господах офицерах сидеть, хоть один из них его младший брательник, а с другим в детстве лошадей вместе пасли.

– Красных на станции всего одна рота при двух пулемётах, – на стене висело зеркало, и Митька уселся как раз напротив него. Глядя в зеркало, он пригладил свой чуб: – Вмиг изрубим большевиков как капусту.

– Больно ты скор Митька, – покачал головой Прохор. Он кивнул в окно: – Ты когда по степи ехал, меловые холмы видел?

– Ну? – Митьке так и не удалось пригладить свой непокорный чуб.

– Их казаки «мары» зовут, – Прохор погладил свою окладистую бороду. Он улыбнулся: – Вокруг станции семь таких меловых холмов. Пугачёв на этих марах отрубил головы семи казачьим старшинам. По одной голове на каждом холме. Оттого и название хутору дали «Семиглавый Мар».

– К чему ты всё это говоришь Прохор? – Митька облокотился о подоконник.

– К тому, что больно ты легкомысленно рассуждаешь. Как бы нам не сложить свои головы возле Семиглавого Мара.

– Вот казаки нынче пошли, никакого почтение к господам офицерам! – улыбувшись, хлопнул себя по коленке Митька. Он покосился на свой погон с одной маленькой звездой: – Только и могут пугать начальство.

– Спасибо за хлеб-соль хозяева, – Фёдор встал из-за стола. Он подошёл к лавке, на которой лежала его фуражка, взял её в руки и перекрестился на образа: – Станцию атакуем с двух сторон, а там как Бог даст.

С первых выстрелов Митька Краснов был убит, а казаки его сотни повернули назад. Прохор Балакирев собрал их и повёл в новую атаку. С противоположной стороны на станцию ворвалась сотня Фёдора Балакирева. Гарнизон, оставленный Чапаевым для охраны железнодорожной станции, состоял из солдат бывшего 138 запасного пехотного полка, дислоцировавшегося в Николаевске. Большинство из них были фронтовиками, потому солдаты не запаниковали, закрепились в здании вокзала и отстреливались.

– Ничего, у красных кончатся патроны, и мы их возьмём, – подбадривал казаков Фёдор Балакирев. Он перекрестился: – Кому Бог поможет, тот всё переможет. Не может Господь большевикам – антихристам помогать!

Бог в этот раз решил помочь красным. Из Самары для отряда Чапаева шёл эшелон с боеприпасами. К станции Семиглавый Мар он подошёл как раз в то время, когда там шёл бой. Впереди паровоза была установлена железнодорожная платформа с пулемётом. Бойцы на ней сразу сообразили, что к чему, и стали обстреливать казаков. Те под пулемётным огнём

отошли, поезд остановился возле здания вокзала. Красногвардейцы принялись эвакуировать раненных. Погрузив всех, поезд пошёл дальше.

– Эх, дурьи головы! – хлопнул себя ладонью по лбу Прохор. Он вздохнул: – Не догадались путевую стрелку перевести. Ни один бы не ушёл!

– Чего уж теперь, – сплюнул Фёдор. Он улыбнулся: – Принимай братуха сотню под команду. Скажу Колотову, выхлопочет для тебя у Толстова погоны подхорунжего.

Глава 6

Поезд с боеприпасами для армии Саратовского совета, прорвавшись через занятые казаками железнодорожные станции Семиглавый Мар и Шипово, добрался до станции Деркул. Около неё отряд Чапаева в тяжелейшем бою, отбил атаку уральцев Матвея Мартынова. Спасло красных то, что у казаков практически не было боеприпасов, но они хорошо знали местность, умело маневрировали и наносили чувствительные удары.

Казаки были отличными стрелками, с холмов, окружавших станцию Деркул, они выбивали красногвардейцев, засевших в окопах. Моральный настрой армии Саратовского Совета упал. Прибывший эшелон с боеприпасами ещё больше усугубил ситуацию. Красногвардейцы узнали, с каким трудом прорвался к ним этот эшелон. Василий Чапаев со своим комиссаром и другом, Иваном Демидкиным в кабинете начальника железнодорожной станции, решали: что делать?

– Нужно возвращаться назад, пока мы здесь все боеприпасы не пожгли! – хлопнул кулаком по столу Иван, от его удара опрокинулась чернильница.

– Это ясно как божий день, – Чапаев скомкал несколько листов бумаги, стал вытирать разлившиеся чернила. Он выбросил грязную бумагу в мусорное ведро: – Но как уходить?

– Как?! Как?! – вскочил Демидкин и заходил по кабинету.

– Ты не скажи как заяц, – улыбнулся Чапаев. Он посмотрел на свои испачканные в чернилах руки: – Посуди сам, вокруг станции мы вырыли траншеи, худо – бедно оборону наладили. Казакам нас не взять. Выйдем в чистую степь, начнут они нас чихвостить в хвост и в гриву.

От такой перспективы Ивану Демидкину стало нехорошо, он плюхнулся на стул.

– Ну и как теперь быть? – Демидкин сидел, по-стариковски сгорбившись.

– Сегодня ночью уйдёт бронепоезд, с ним Саратовский и Новоузенский полки. Я с Николаевским полком останусь на станции, – Чапаев встал со стула.

Николаевский полк красной гвардии в основном состоял из солдат бывшего 138 запасного пехотного полка. Это самый боеспособный полк в армии Саратовского Совета. В нём фельдфебель Василий Чапаев в октябре 1917 года был избран командиром полка.

– Штаб и госпиталь разместятся в бронепоезде, – Чапаев выдрал три листа из настольного календаря начальника станции. Положил их на стол: – По бокам пойдут Саратовский и Новоузенский полки. Пушками и пулемётами бронепоезд прикроет полки, а те будут ремонтировать железнодорожные пути, которые казаки наверняка повредили.

– А ты?

– Буду держать станцию, и прикрывать ваш тыл, потом, пойду следом.

Четыре дня отряд Чапаева, отбивая атаки казаков, выбирался с их территории. Вышли двенадцатого мая, расстреляв почти весь боезапас. Закрепились на железнодорожной станции Алта. На постой Василий Чапаев остановился в избе волостного старосты.⁵⁷ Вечером он пил чай в горнице, к нему на доклад пришёл комиссар.

– Раненных бойцов отправили в Самару, – Иван Демидкин уселся на лавку. Он вздохнул: – А у здоровых, настроение хуже некуда. Боюсь, разбегутся наши красноармейцы.

В комнате становилось сумрачно. Чапаев поставил на стол блюдце с чаем, достал из кармана солдатских штанов спичечный коробок.

– Завтра поутру, соберём митинг, – Василий Иванович зажёл керосиновую лампу.

– Ну и что ты скажешь людям?! – поморщился Демидкин.

⁵⁷ Волостной староста – выборное должностное лицо в волости. В Российской империи, волость являлась административной единицей крестьянского самоуправления. В волость входило несколько сёл и деревень.

– Мы начали битву против буржуев и мироедов, а война без отступления не бывает, – Чапаев взял блюдечко с чаем. С шумом отпил: – Время теперь такое, каждый, кто за большевиков, должен бросить старые привычки как потрёпанные штаны. Тогда человек по-новому заживёт и поверит в нашу победу, пусть даже и жмут нас сейчас буржуи и богатеи.

– Ты завтра на митинге собираешься у красноармейцев старорежимные привычки менять? – усмехнулся комиссар.

– И это тоже, – допил чай Чапаев. Он рассмеялся: – Вот говорю с тобой, а сам себя прежнего вспомнил. Ведь до последнего дня ходил со своими крестами на груди. Все ко мне лезли: «Сними старорежимные награды», а я злился: «Что вы ко мне пристали?! Я за них кровью заплатил». Заметь, я всей душой принял программу большевиков, а старорежимные награды снимать не захотел. Но пришло время, и осознал, что не за народ я проливал кровь в мировой войне. Как понял я это, так стыдно мне стало носить кресты, снял их.

– Боюсь одними речами на митингах, мы человека не изменим, – покачал головой Иван Демидкин.

– Слова человека изменить не смогут, но думать заставят, – Чапаев уселся на лавку рядом со своим комиссаром.

В сенях послышался шум, в горницу вошёл командир эскадрона Пантелей Суков. Он подмигнул двум маленьким девочкам, лежащим на печи. Порылся в карманах, дал им по кусочку сахара. Те быстро, пока маманя не отобрала, засунули сахар в рот, и продолжали с любопытством смотреть на военных.

Когда в конце марта стало ясно, что будет война с казаками. Чапаев решил: нужна кавалерия. С Еланского конного завода⁵⁸ отряд бывшего вахмистра⁵⁹ 8-го Астраханского драгунского полка Пантелея Сукова, пригнал лошадей. Суков стал набирать к себе в эскадрон бойцов. Брал в основном деревенских парней из Николаевского уезда, те привычны к лошадям. Уральские казаки отличные наездники и рубаки, драться с ними на равных красный эскадрон не мог, но Суков и Чапаев не отчаивались, осознавая перспективу кавалерии. Они рассчитывали со временем увеличить эскадрон до полка.

– Василий Иванович, телеграмма из Саратова пришла, – Суков, подмигнул девочкам, и те прыгнули в кулачки. Он протянул телеграфную ленту Чапаеву: – Приехал Подвойский, это председатель военной инспекции Красной армии. Он хочет услышать отчёт о причинах поражения нашей армии от уральских казаков.

– Отчёт желает получить! – Чапаев швырнул телеграфную ленту на стол.

– Это не все плохие новости Василий Иванович, – вздохнул Суков.

– Что ещё?! – остановился перед ним Чапаев.

– На станции я знакомого машиниста повстречал. Коммунаров перебили в бывшем имении помещика Зейферта. Двести человек: мужиков, баб, детишек, вывели из села, и в овраге всех расстреляли.

⁵⁸ В XIX веке помещик Владимир Лежнёв в Саратовской губернии на берегу реки Елань основал конный завод для разведения лошадей русской рысистой породы. Дело продолжили его сыновья. Завод существует до сих пор.

⁵⁹ Вахмистр – унтер-офицерский чин в кавалерии и артиллерии Русской императорской армии. Аналог звания сержант в Вооружённых силах РФ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.